

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Англійскомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. с.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. . . . . [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ТОМЪ III. — N 9 — NY. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 1 — 13 Мая 1899

Изъ «Душеполезнаго Чтенія», V, 99.

Мы жаждемъ знаній, просвѣщенья,
 Мы изучаемъ и творимъ, —
 Но къ благодати обвященья
 Духовной жаждой не горимъ!
 Мы все живемъ „по духу міра”,
 А этотъ міръ „лежитъ во злѣ”...
 Не обрътаемъ сердцу міра,
 Ища сокровищъ на землѣ!
 О, дай намъ, Боже, Всемогущій,
 „Воды живой”, отъ коей пьющій

Не будетъ жадать никогда!
 Твоя нетлѣнная вода
 Источникъ присно есть текущій
 Для жизни вѣчной, не земной...
 О, дай намъ сей воды живой!
 Очисти душу намъ и тѣло,
 И горній дай полеть уму,
 Чтобъ обратились мы всецѣло
 Къ Отцу и Богу своему!

Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ.

Изданная въ 1894 году папой Львомъ XIII энциклика „Præclara gratulationis” и обращенная къ государямъ и всѣмъ народамъ съ призывомъ къ соединенію съ Римскою церковью, не осталась въ свое время безъ надлежащей критической отвѣды со стороны богослововъ Православной церкви. Между тѣмъ, другая его энциклика, изданная въ томъ же 1894 году, о сохраненіи восточныхъ обрядовъ остается еще непереведенною и безъ возраженій. Исторія появленія этой послѣдней энциклики слѣдующая. Такъ какъ въ энцикликѣ „Præclara gratulationis” папа Левъ XIII торжественно обѣщаетъ, что, въ случаѣ соединенія православныхъ восточныхъ народовъ съ Римскою церковью, ни ихъ обряды, ни ихъ обычаи, ни даже права ихъ патріарховъ не будутъ—де измѣнены или нарушены, но все останется по прежнему и по старому, то, на бывшемъ вскорѣ послѣ изданія вышеупомянутой энциклики о соединеніи церквей римскомъ соборѣ униатскихъ восточныхъ патріарховъ, эти послѣдніе, неоднократно обманутые такими обѣщаніями римскихъ папъ, воспользовались даннымъ удобнымъ случаемъ и рѣшились выпросить для себя у „святого отца” особыхъ гарантій, ограждающихъ ихъ патріаршія права, обычаи и обряды отъ посягательства на нихъ со стороны наводнившихъ весь Востокъ разнообразныхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ. Послѣдствіемъ этого шага униатскихъ восточныхъ патріарховъ и было то, что безспорно замѣчательный дипломатъ и тонкій политикъ папа Левъ XIII не замедлилъ издать 30 ноября того же 1894 года особое посланіе „о сохраненіи восточныхъ обрядовъ” въ угоду вышеупомянутымъ униатскимъ патріархамъ. Это новое посланіе папы Льва XIII, которое какъ

An Epistle of the Pope Leo XIII on the Preservation of Eastern Rites.

„Besides all these measures and ordinances, we are anxious, as already mentioned, that schools and seminaries, both ecclesiastical and secular, should be established in such Eastern cities as may be found best adapted to the purpose, for the object of training young natives to become worthy ministers of the Church according to their ancestral rites. In pursuance of this object, which must be of the greatest benefit to the Catholic faith, we have determined to appropriate large sums of money, to be, we hope, contributed by Catholic donations. For it is well known that the ministrations of native priests, more acceptable and more convenient, can produce better results than those of strangers, as we have abundantly demonstrated in our encyclical, issued last year, on the institution of the ecclesiastical schools in Eastern India.

„There is no doubt that the education of a youthful native clergy, conducted in this manner, will increase the Eastern Christians' respect for theological and biblical studies; the study of ancient tongues will flourish equally with that of modern languages; the wealth of doctrine and literature, with which their Fathers and their writers abound, will become more widely spread, to the general benefit of all. And all this will lead to the desirable result, that the Catholic clergy, being prominent in knowledge and a shining example in conduct, will more easily incline their dissident brethren to return to the embrace of their mother (the Catholic Church), And if the clergy will apply to this end their heart, their active efforts, and will work together in brotherly love, surely, by the help and grace of God, that most auspicious day shall rise, when all shall attain „unity in the faith and in the knowledge of

по содержанію, такъ и по обстоятельствамъ вызвавшимъ его изданіе, заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ Православныхъ церквей, считаемъ не лишнимъ, перевести на русскій языкъ съ его арабскаго перевода, сдѣланнаго иезуитомъ въ Бейрутѣ (въ Сиріи), сообщить русскому православному народу, при чемъ сдѣлаемъ, съ своей стороны, несколько краткихъ замѣчаній на это посланіе.

Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ.

Левъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, даетъ сіе посланіе на вѣчную память.

Достоинство восточныхъ церквей, подтверждаемое глубокой древностью и заслуживающее всякаго уваженія, составляетъ во всемъ христіанскомъ мірѣ предметъ великой славы и почитанія. По волѣ Всоблагого Промысла въ лонѣ восточныхъ церквей возникло и быстро распространилось таинство искупленія, давшее въ нихъ впервые цвѣтъ славныхъ апостольскихъ дѣяній, мученичества и святости и принесшее первые обильные и спасительные плоды.

Изъ этихъ церквей удивительнымъ образомъ разлились далеко многія блага на всѣ народы въ то время, когда блаженный Петръ, вождь Апостоловъ, отиравился уничтожить заблужденія и пороки, перенеся съ собою, по волѣ Божіей, свѣтъ небесной истины, Евангеліе мира и свободу Христову въ царствующій городъ—Римъ.

Небезызвѣстно, что римская церковь, царица всѣхъ остальныхъ церквей, со времени апостольскихъ оказывала восточнымъ церквамъ почетъ и большое расположеніе и въ свою очередь пользовалась полнымъ подчиненіемъ съ ихъ стороны. И въ слѣдующія времена, не смотря на различныя печальныя смуты, римская церковь никогда не переставала заботиться о восточныхъ церквахъ и оказывать имъ благодѣ-

the Son of God, and thus it shall come to pass that „the whole body, fitly joined together and compacted by that which every joint supplieth, according to the effectual working in the measure of every part, maketh increase of the body unto the edifying of itself in love” (Ephes. 4, 13, 16).

„And truly, only that church can glory in the name of the true Church of Christ which is closely knit into one body and one spirit” (Ephes 4, 4).

„We do not doubt but that our venerable brethren, the Patriarchs, Archbishops, and Bishops of whichsoever Eastern Catholic rite, out of the filial love which they bear to the Apostolic See and to our own person, as also out of solicitude for their churches, will accept reverently and obediently all the things we have decreed, generally and singly, and will sedulously attend to the observance thereof by those whom it concerns.

„For the abundance of the fruits which we may look for, indeed confidently expect, from this ordinance, chiefly depends on the zeal of those who represent our person in the Christian East. We therefore most urgently recommend the Apostolic delegates to see that proper respect be paid to the rites handed down to those communities from their ancestors; to render due honor to the authority of the Patriarchs and cause others to do likewise; and, in their official intercourse with them, to bear in mind the Apostle’s precept: „in honor preferring one another” (Rom. 12, 10); to show consideration and goodwill to the Bishops, the lesser clergy and the people, being animated by the same spirit which filled the Apostle John when he sent his Apocalypse to „the seven churches which are in Asia”, with the greeting: „grace be unto you, and peace, from Him which was, and which is, and which is to come” (Revel. 1, 4); to prove themselves on every occasion

янія. Постоянно она пеклась о спасеніи ихъ отъ погибели, о сохраненіи оставшихся подчиненными ей и возвращеніи удалявшихся отъ нея.

Мало того, римская церковь всегда старалась сохранять въ неприкосновенности присушіе всякой восточной общинѣ обычаи и обряды и особенно тѣ изъ нихъ, которые она признавала за согласные съ каноническими правилами. Доказательствомъ этому служатъ многочисленныя мудрыя постановленія нашихъ предшественниковъ, и въ особенности блаженныя памяти Пія IX, а также и „Конгрегаціи распространенія св. вѣры”.

Таковая же ревность побуждала и насъ со времени вступленія нашего на первосвященнической престолъ съ великимъ вниманіемъ обратить взоры на христіанскія общины Востока. Мы поспѣшили посвятить все наше вниманіе для облегченія ихъ невзгодъ и бѣдствій и въ послѣдующее время мы не преминули воспользоваться другими случаями, чтобы высказать имъ наше явное расположеніе. И—сказать по-истинѣ—ничто насъ такъ не интересовало и не интересуеетъ и ничто мы не считаемъ болѣе священнымъ долгомъ нашимъ, какъ соединеніе этихъ вѣрующихъ съ апостольскимъ престоломъ (римскимъ) и пробужденіе живой, горячей вѣры въ ихъ сердцахъ для того, чтобы они во всемъ пользовались святостью и славою своихъ предковъ, подражая ихъ примѣру. И намъ нѣсколько удалось помочь этимъ церквамъ. Такъ, на примѣръ, мы основали въ этомъ самомъ городѣ (Римѣ) двѣ школы для образованія клеровъ армянскаго и маронитскаго, а въ Филиппинолѣ и Адрианонолѣ учредили два духовныхъ училища для болгаръ, а также рѣшились возстановить школу св. Льва въ Аѳинахъ.

Кромѣ того, мы не оставляемъ своимъ вниманіемъ школу св. Анны, учрежден-

worthy envois and conciliators in the sacred cause of the unity between the Eastern churches and the Church of Rome, which is the centre of that unity and love.

„Let all Latin priests, as many as are laboring in those parts for the eternal salvation of souls, inspire themselves with these same feelings, and act in the indicated manner, conformably to our exhortations and commands: and there can be no doubt that, if they labor in strict obedience to the Roman Pontiff, God will bless their efforts with ample success.

„It is therefore our will and our command that all the things decreed, declared, and ordered in this our epistle, be inviolably observed by all whom it concerns. Nor may the same be questioned, disputed or infringed for any cause whatever, not even on account of any privilege, or under any other color or pretence. But these ordinances are to take full and integral effect, unhindered even by Apostolical rulings, though issued by general or local councils, or any other statutes, even though supported by Apostolic confirmation, or any customs or ordinances—which we all hereby abrogate and desire to be and remain abrogated, specially and expressly, as though singly and verbally mentioned in the present epistle, no matter who may act in opposition to it.

„We also desire that all copies, even printed ones, of the present epistle, if signed by our Notary, and if the seal of a person invested with proper ecclesiastical authority be affixed thereto, be given the same credence as would be given to this original epistle itself.

„Given at Rome, from the Vatican, on the 30-th day of November of the year 1894 from the Incarnation of Our Lord, of our pontificate the 17-th.

„Pope Leo XIII.”

ную въ Иерусалимѣ для образованія клира католиковъ Мельхитовъ.

Затѣмъ мы готовы умножить число сирійскихъ учениковъ „Урбанской пропагандистской школы” и возстансвить по прежнему греческую школу св. Аѳанасія, согласно волѣ ея основателя—славнаго Григорія XIII, потому что изъ нея, какъ извѣстно, вышли славные мужи, приобрѣтшіе себѣ громкую извѣстность.

Также мы весьма желаемъ исполнить нѣсколько подобныхъ дѣяній, особенно послѣ того, какъ мы, по внушенію Божію, окончили съ давняго времени волновавшее наше сердце предпріятіе: приглашеніе особой энцикликой государей и народовъ всего христіанскаго міра къ счастливому соединенію Божественной вѣры.

Поэтому мы старались прежде всего призвать и убѣдить тѣхъ изъ восточныхъ христіанскихъ народовъ, которые, къ сожалѣнію, доселѣ стоятъ разьединенными съ истинной церковью, выказавъ имъ наше любвеобильное, апостольское и отеческое расположеніе.

Намъ весьма пріятно видѣть, что наши надежды день-о-дня увеличиваются, мы же, съ своей стороны, намѣрены посвятить всѣ свои силы этому спасительному дѣлу и употребить все возможное, съ одной стороны, для уничтоженія причинъ разлада и недоразумѣнія, съ другой, для снисканія лучшихъ средствъ къ достиженію примиренія. При этомъ считаемъ весьма важнымъ заботиться и дѣйствовать для сохраненія существующихъ въ восточныхъ церквахъ особыхъ обрядовъ, какъ мы постоянно поступали и въ прежнее время.

Съ этою цѣлію мы считали обязательнымъ въ недавно учрежденныхъ для юношей—клириковъ изъ этихъ общинъ школахъ и теперь считаемъ обязательнымъ въ школахъ впредь учреждаемыхъ строгое соблюденіе присущихъ каждому народу

Any one not familiar with the subtle methods of the Roman Curia may possibly imagine, on reading this epistle, that it guarantees, entirely and forever, the inviolability of the sacred rites and patriarchal rights of the various Christian communities united to Rome, against any attempts at latinisation or attacks on the part of papal legates and the numerous varieties of Latin priests and monks. But is it so in reality? We will not bring out here the long series of historical facts which prove to evidence the flimsiness and fallaciousness of papal declarations and promises even more solemn than these, in the matter of preserving intact the local usages, rites, and even dogmas peculiar to churches which have become „united” to the Roman Church. To become convinced of the fallaciousness of such promises, it is enough to read with attention this epistle of Pope Leo XIII, in which he, on one hand, forbids his legates and monks to interfere in future with the church affairs of the Eastern Christian communities subject to the papal See,—and, on the other hand, permits and authorises those same Latin legates and monks to conduct the education of native children and youths... Any one who knows anything at all about the methods of instruction followed in Latin schools will easily see that this prohibition to monks and priests to interfere in local church affairs amounts to nothing compared to the authority given to the same monks to conduct the schools. Who does not know that all young people who have received their education in Latin schools, come out of them more Latin than the real born Latins? What is the sense, then, of this papal epistle, when it gives into the hands of Latin priests and monks the most important thing of all—the bringing up of the young generation? True, the epistle imposes upon these Latin priests and monks the obligation to see that those who study in their schools

особыхъ обрядовъ и наблюдение за тѣмъ, чтобы учащiеся въ этихъ школахъ изучали и примѣняли ихъ на дѣлѣ.

И дѣйствительно, соблюденiе восточныхъ обрядовъ гораздо важнѣе, чѣмъ можно себѣ представить, потому что священная древность, которая облакаетъ ихъ, придаетъ всей церкви великую славу и утверждаетъ единение католической Божественной вѣры.

Разнообразiе восточныхъ обрядовъ еще свидѣтельствуемъ и объ ихъ апостольскомъ происхожденiи и ясно доказываетъ ихъ тѣсную связь съ Римомъ отъ начала христіанства. И почти нѣтъ такого свидѣтельства, которое бы доказало болѣе чудеснымъ образомъ всеобщность церкви Божией, чѣмъ та особенная честь, происходящая отъ разнообразiя степеней и языковъ, священныхъ какъ своею древностию, такъ и употребленiемъ, которымъ почтили ихъ Апостолы и Отцы. Эта честь отчасти подобна той чести, которая была воздана Господу Иисусу Христу, Божественному Главѣ церкви, когда при Его рожденiи пришли волхвы изъ разныхъ странъ Востока, чтобы поклониться Ему (Мѣ. 2, 1-2).

Что же можно замѣтить здѣсь,—это то, что, хотя святые обряды сами по себѣ не были установлены для подтвержденiя истинности католическаго ученiя, однако достаточно ясно они доказываютъ и объясняютъ ее. Истинная церковь Христова какъ весьма заботится о сохраненiи всего, имѣющаго Божественное происхожденiе и поэтому не подлежащаго никакому измѣненiю, такъ иногда и снисходительно относится къ тѣмъ измѣненiямъ, которыя происходятъ въ ея внѣшнемъ устройствѣ, въ особенности, если эти измѣненiя согласны съ досточтимой древностию.

Этимъ то церковь и доказываетъ силу той жизни, которая никогда не старѣетъ и облакаетъ себя въ то позлащенное одѣ-

be brought up in the spirit of the rites and usages accepted in their communities. But who shall stand security that the Latin priests and monks—more especially the Jesuits—will forevermore and invariably observe this ordinance of the aged Pope, Leo XIII? Why, every community, at the time of its first joining the Roman Church, receives from the popes solemn declarations and written promises, to the effect that all its rites and usages, and even dogmas, shall be left absolutely unchanged: and yet impartial history shows that not one of the communities which have been „united” to Rome has been able to preserve its rites and usages, or even dogmas, from Latin influence. The professor of the St. Petersburg Theological Academy, A. P. Lopukhin, is perfectly right when he says, in his reply to the Pope’s encyclic, that history in this respect (i. e. as regards the solemn assurances of the Pope of Rome concerning the preservation of their rites and customs by the communities which are united to the Roman Church), presents evidence too tangible to allow of any importance whatever being attached to any such assurances. It is enough to call to mind the violences which signalized the most unfortunate „Union” in Western Russia, when the most unscrupulous, indeed one might say impudent, latinization strove to destroy in the midst of the Uniate communities the very traces of their Greek ritual, and even of their Russian nationality. Such latinization is going on to this day in Western Russia. And as though in mockery of the protestations of the encyclic, the Jesuits in Galicia violently force an entrance into Russian monasteries, those historical strongholds of the Galician people’s religious and national consciousness, and turn them into hearths of the Latino-Polish propaganda. All this, we say, is being done before our eyes—truly, sufficient security for the sincerity of the as-

яніе, которое, по словамъ Отцевъ Церкви, подразумѣвалъ псалмопѣвецъ Давидъ, говоря: „предста царица одесную тебѣ, въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна преукрашена”.

Такъ какъ разнообразіе литургіи и восточныхъ обрядовъ имѣеть то преимущество, что придаетъ Церкви великую славу и многія блага, то мы считаемъ нашимъ священнымъ долгомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никакого препятствія къ отправленію восточными общинами своихъ обрядовъ и никакого попользованія со стороны служителей Евангелія, которыхъ любовь Христова направляетъ съ Запада на Востокъ.

Поэтому повелѣваемъ придерживаться тѣхъ постановленій, которыя издалъ нашъ приснопамятный предшественникъ Бенедиктъ XIV въ своей буллѣ, начатой „De mandatum”, обнародованной въ видѣ посланія отъ 24 декабря 1743 года и отправленной Антиохійскому патриарху католиковъ—Мельхитовъ и всѣмъ остальнымъ подвѣдомственнымъ ему епископамъ. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ продолженіе котораго измѣнилось положеніе въ тѣхъ странахъ и умножилось число латинскихъ миссіонеровъ и школъ, что не могло ускользнуть отъ вниманія апостольскаго престола, и въ эти послѣдніе годы было не мало случаевъ, посредствомъ которыхъ мы узнали важность сего положенія, которую подтвердили наши братья—восточные патриархи своими неоднократными просьбами по этому дѣлу.

Но для того, чтобы получить полное понятіе о настоящемъ положеніи дѣла и принять необходимыя къ этому мѣры, мы въ послѣднее время нашли полезнымъ призвать въ Римъ вышеупомянутыхъ патриарховъ для совмѣстнаго съ ними совѣщанія. Мы нѣсколько разъ собирали ихъ для обмѣна мнѣній въ нашемъ присутствіи, присоединивъ къ числу ихъ нѣкоторыхъ

surances given by the „Vicar of Almighty God on earth”...

But, apart from the promises concerning the preservation of local rites and usages, the papal epistle holds out the promise to safeguard the rights of the Uniate Patriarchs and Bishops against any attacks or encroachments on the part of Latino-Roman legates and nuncios. But, if Pope Leo XIII has really determined to restore and confirm the rights of the Uniate Patriarchs and Bishops which have been trampled underfoot by his representatives in the East,—if he really considers those Patriarchs and Bishops as being such in very truth—*de facto*—where is the sense of his appointing any Latin Bishops and even Patriarchs at all for the Syrian communities united with the Roman Church, when each of them already has its own native Patriarch or Bishop? If all that these Latin Patriarchs and Bishops are appointed for is to look after the spiritual needs of various foreign Catholics—German, French, Italian, etc.—residing in Syria, and not to manage the church affairs of the Uniate communities and restrict the rights and dignity of their native Patriarchs and Bishops—then those foreign Catholics, if they do not wish to be subject to the native Uniate clergy in church matters (although such refusal is contrary to the true spirit of the Union), are free to enjoy the spiritual ministrations of the Jesuits, Franciscans, Dominicans, Capuchins, or any other of the Latin monks,—of whom there are ten times as many in Syria as of foreign Catholic residents. And if the monastic rules of those numerous orders do not allow their members to perform any ministrations for laymen, would it not be more just for the Pope to send over for this purpose mere Latin priests, instead of Latin Patriarchs and Bishops—if only out of respect for the dignity of the native Patriarchs and Bishops,

изъ нашихъ возлюбленныхъ сыновъ—кардиналовъ Св. Римской Церкѣви.

Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія приготовленныхъ вопросовъ и обсуждения ихъ въ засѣданіяхъ собора, мы рѣшили разъяснить нѣкоторые пункты посланія папы Бенедикта XIV, а другіе—расширить, согласно новому положенію этихъ общинъ. Поэтому мы постановили, какъ принципъ, слѣдующее: латинскіе священники посылаются апостольскимъ престоломъ въ тѣ страны (на Востокъ) для того, чтобы они были по отношенію къ мѣстнымъ патріархамъ и епископамъ лишь помощниками. Поэтому они должны избѣгать злоупотребленія дарованной имъ властью въ ущербъ вліянію вышеупомянутыхъ патріарховъ и епископовъ и не уменьшать числа подчиненныхъ имъ (патріархамъ) вѣрующихъ. Изъ этого явствуютъ тѣ правила, которыя опредѣляютъ обязанности латинскихъ священниковъ по отношенію къ восточнымъ патріархамъ и епископамъ.

Итакъ, по волѣ Божіей мы сочли нужнымъ объявить и подтвердить слѣдующія постановленія, которыя и подтверждаемъ, опираясь на нашу апостольскую власть, и во всеуслышаніе объявляемъ, что мы нынѣ желаемъ и повелѣваемъ, чтобы постановленія, изданныя папой Бенедиктомъ XIV для католиковъ Мельхитовъ, распространились на всѣхъ восточныхъ христіанъ, къ какому-бы обряду они ни принадлежали:

1) Всякій латинскій миссіонеръ, будь онъ простой монахъ или священникъ, содѣйствующій своимъ совѣтомъ или помощью переходу кого-либо изъ восточныхъ христіанъ въ латинскій обрядъ, за этотъ поступокъ не только подвергается запрету совершать богослуженіе и всѣмъ прочимъ наказаніямъ, о которыхъ упоминается въ буллѣ „De mandatam”, но и лишается сана. Въ подтвержденіе-же этого постановленія повелѣваемъ, чтобы оно

and for the Apostolical ordinances and rulings of the Œcumenic Councils, which strictly forbid appointing two bishops to the same diocese? Where, for instance, is the sense of appointing a Latin Patriarch for Jerusalem, where the native Catholics already have a Patriarch of their own? More than that, what meaning has the alleged union between various Eastern churches in Syria and the Roman Church, when each of them has its own Patriarch, and each of these Uniate Patriarchs calls himself Patriarch of Antioch? The question now is, which of them is to be considered the true successor of the Apostle Peter in the apostolic see of Antioch? Is it the Maronite Patriarch, or the Melchite, or the Syrian, or the Chaldaean, or the Armenian or, lastly—the Latin Patriarch? What is still more anomalous in the position of these Uniate Patriarchs is this—that some among them, as for instance the Melchite Patriarch, consider themselves Patriarchs not only of Antioch, but of Jerusalem and Alexandria, in direct opposition to the apostolic rulings, which do not admit of one bishop occupying two sees—how much less three! And still more curious is the fact that this same Patriarch, enthroned in three apostolic sees, is subject, with all his three sees, to the See of Rome!

It follows from all this that the chief object of all such papal encyclicals and epistles is not the union of churches or the preservation of rites and dogmas, but simply the subjection and enslavement of all Christian peoples to the Pope of Rome. And in the eyes of the Popes, neither rites nor dogmas are of such importance as the recognition of the dogma of the Pope's supremacy. Let any community, though it be a downright heretical one, recognize *that*, and it will be considered a member of the Roman Catholic Church. That this is really so, is sufficiently shown by the contradictory and even heretical doctrines found

было прочитано въ каждой латинской церкви въ переводѣ на мѣстный языкъ.

2) Такъ какъ восточные патріархи не всегда находятъ священниковъ, принадлежащихъ къ ихъ обрядамъ, которымъ можно бы было поручить духовное попеченіе о сынахъ ихъ общинъ, то они должны поручить эту заботу священнику, который хотя-бы принадлежалъ и къ другому обряду, однако обязанъ употребить въ Евхаристіи тѣ самые виды (опрѣсноки или квасный хлѣбъ), которые въ обычаѣ у данной общины,—и эту заботу предпочитается поручить священнику, принадлежащему къ восточному обряду. Католикамъ же какъ латинскаго, такъ и восточнаго обряда, позволяется приобщаться по другому обряду не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ священника или храма своего собственнаго обряда, какъ объ этомъ постановила „Конгрегація распространенія вѣры” отъ 18 августа 1893 года, но и въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ они не могутъ ходить въ свой храмъ, по причинѣ отдаленности его мѣстонахожденія. Право рѣшенія въ такихъ случаяхъ предоставляется митрополиту. При этомъ надо замѣтить, что если кто приобщается св. Таинъ, хотя-бы въ продолженіе долгаго времени, подъ другимъ видомъ, чѣмъ принято въ его церкви, то по этой причинѣ онъ не долженъ считаться измѣнникомъ своему обряду, но долженъ оставаться въ подчиненіи своему священнику.

3) Если у какого-нибудь изъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, занимающихся на Востоку воспитаніемъ юношества, есть школа, въ которой находится большое количество учениковъ восточнаго обряда, то этотъ орденъ, по предварительному сношенію съ мѣстнымъ патріархомъ, долженъ назначить для нихъ при этой школѣ священника того же обряда, чтобы упомянутые ученики могли присутствовать на литургіи при св. причастіи и слу-

among many Christian communities in Syria, which, notwithstanding, are „united” with the Roman Church. Thus for instance, some of them (the Jacobites, Armenians, Copts), hold the false doctrine of Jesus Christ's single nature; others recognize two natures in Him; some confess two wills in Christ, others (the Maronites), only one; some hold to the Nestorian doctrine on Christ (the Chaldæans); others repudiate it; some again accept the addition *Filioque* („and from the Son”) in the Creed, while others reject it; some (the Armenians), admit the use of unleavened bread in the Sacrament of the Eucharist, while others condemn it; some approve the marriage of priests; others forbid it; others again turn their churches facing the East—or the West,—or indiscriminately, North or South, etc. etc... And in spite of all these contradictions in rite and dogma, all these communities are accounted members of the Church of Rome, because they acknowledge the supremacy of the Pope over them! What is this, if not a patent proof that the Popes of Rome think nothing either of church rites or of the fundamental Christian dogmas, in comparison with the dogma of their own supremacy, invented by themselves?!

Then let the Popes write and publish as many encyclics and epistles as they please—they never will be able by such means to bring the Eastern Orthodox Church into subjection to their authority. The Orthodox Church was, is, and will be for all time the One Catholic, Holy, Apostolic Church, against which not only the Pope's scheming, but not the gates of hell itself, shall prevail.

Archimandrite Raphael.

(From „*Faith and Reason*” for 1898).

шать объясненіе катехизиса и ихъ обрядовъ на своемъ языкѣ; если-же такого священника нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, надо приглашать его для вышеупомянутой цѣли во все воскресные и праздничные дни. Поэтому упраздняемъ все дарованныя выше упомянутымъ монашескимъ орденамъ привилегіи, особенно тѣ изъ нихъ, которыми ученики восточнаго обряда обязывались во все время своего пребывания въ этихъ школахъ слѣдовать латинскому обряду. Что же касается постовъ, то предоставляется справедливости и усмотрѣнію начальниковъ школъ. Также должно заботиться о приходящихъ ученикахъ, чтобы они ходили въ свои приходы, если начальство найдетъ неудобнымъ, чтобы они присутствовали на богослуженіи въ церкви школы.

4) Вышеупомянутое постановленіе относительно мужскихъ должно по возможности соблюдаться и въ женскихъ школахъ, находящихся подъ вѣдомствомъ монахинь (западныхъ). Если-же обстоятельства потребуютъ какого либо измѣненія этого постановленія, то оно можетъ быть позволено лишь послѣ предварительнаго согласія со стороны мѣстнаго патріарха и дозволенія апостольскаго престола.

5) Впредь запрещается монахамъ и монахинямъ латинскимъ учреждать новыя школы для образованія юношества или монастыри безъ предварительнаго дозволенія апостольскаго престола.

6) Не дозволяется священникамъ, будь они латинскаго или восточнаго обряда, ни въ своихъ собственныхъ церквахъ, ни въ церквахъ другого обряда разрѣшать ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ разсмотрѣнію епископа, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ епископъ уполномочиваетъ ихъ на это. Поэтому мы упраздняемъ все дѣйствующія до сихъ поръ привилегіи. И т. д.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Нушаганская Православная Миссія.

Изъ годичнаго отчета Свящ. В. Модестова.

(Окончаніе).

Школа наша церковно-проходская пепенногу развивается; въ текущемъ учебномъ году учащихся было 16—14 душъ. Ежедневно ученіе продолжалось втеченіи 4-хъ часовъ; я занимался по Закону Божию и по русскому языку, а псаломщикъ Кашеваровъ занимался по славянскому языку, ариметикѣ, чистописанію, пѣнію и по англійскому языку. Изученіе св. исторіи Ветхаго и Новаго Заветъ производилось со словъ и при переводчикѣ.

Старшіе ученики умѣютъ довольно порядочно читать и писать подъ диктовку по русски и по англійски; по церковно-славянски читаютъ ученики старшей группы довольно хорошо, читаютъ въ церкви часы, апостоль и причастныя молитвы. Изъ ариметики дѣти знаютъ все четыре дѣйствія первыя и рѣшаютъ несложныя задачи. Ученики младшей группы обучались чтенію по грамотамъ русской, англійской и славянской и обучались письму. Обученіе молитвамъ и пѣнію производилось вмѣстѣ для всѣхъ; общеупотребительныя краткія молитвы все знаютъ на славянскомъ и кускоквимско-аглемотскомъ языкахъ. Все учащіяся поютъ на клиросѣ и поютъ съ псаломщикомъ все, положенное для пѣнія при богослуженіяхъ; тропари на Рождество Христова и на Пасху пѣли по славянски, по гречески, по англійски и по кускоквимски, а Евангеліе и Апостоль на Пасху читали и по гречески. Дѣти знаютъ также пѣть нашу родной, народный гимнъ «Боже, царя храни» и «Коль славенъ». Самая школа помѣщается въ моей квартирѣ, гдѣ занимаетъ одну комнату. Какъ взрослые прихожане любятъ посѣщать церковь и внѣбогослужебныя собесѣдованія, такъ и ученики наши — дѣти любятъ посѣщать школу; объ одномъ только приходится пожалѣть, что мало число нашихъ уча-

щихся. Главной причиною этого служить бѣдность прихожанъ, живущихъ въ окрестныхъ селеніяхъ; отъ многихъ родителей приходится слышать, что хотѣлось-бы имъ послать въ нашу школу дѣтей своихъ, но бѣдность ихъ, неимѣніе одежды и обуви зимней, дѣлаютъ это положительно невозможнымъ.

По селеніямъ нѣкоторымъ существуютъ школы грамоты. Всѣхъ такихъ школъ въ моей миссіи 7; обучаютъ въ этихъ школахъ часовенскіе чтецы, — русскому и церковно-славянскому чтенію, письму, церковному пѣнію, устному и письменному счету чиселъ и нумераціи цифръ. Въ нѣкоторыхъ школахъ обученіе идетъ довольно успешно, напр. въ Паувикской и Экукской; обучаютъ дѣтей и взрослыхъ начальнымъ молитвамъ. Все необходимое для школъ этихъ — книжки, тетрадки, бумага, карандаши и проч. — дается мною даромъ. Число учащихся во всѣхъ этихъ школахъ 94 души обоого пола.

Въ остальномъ здѣшня церковная жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Богослуженія совершались часто; за богослуженіями пѣлъ хорикъ при участіи дѣтей — школьничковъ подъ управленіемъ псаломщика Кашеварова; мною довольно часто произносились поученія, при посредствѣ переводчика, на разные темы; въ большинствѣ случаевъ темою для нихъ служили или воскресныя Евангелія или праздничныя событія; не разъ приходилось также говорить, увѣщевать и обличать своихъ прихожанъ по поводу ихъ пороковъ, пьянства, разврата, карточной игры и несоблюденія святости воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ Рождество, въ Крещеніе и въ Пасху, по обычаю прошлыхъ лѣтъ, мы ходили славить Христа по домамъ прихожанъ с. Экукъ, Кануликъ и Нушагакъ, гдѣ пѣли тропари и кондаки праздника, произносилась краткая сугубая ектенія и слѣдовало отпустить. Число посѣщавшихъ церковь прихожанъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было неравномерно; особенный приливъ богомольцевъ бываетъ въ праздники Пасхи и

Рождества Христова.

Школьники наши причащались два раза въ году — въ Великомъ посту и предъ Рождествомъ Христовымъ. Нѣкоторые и изъ прихожанъ причащались по два раза въ годъ.

Крещеній въ прошедшемъ году совершено 78, присоединеній къ православной церкви 38. Всего такимъ образомъ — 116. Браковъ совершено 24, погребеній было 84.

Въ 1897 году переводчикомъ и сторожемъ церкви мнѣ состоялъ до марта мѣсяца кусковичъ Василій Малюхпакъ, а съ марта мѣсяца и по сіе время состоялъ переводчикомъ аглемютъ Алексій Слезинъ. Послѣдній взятъ мною былъ потому, что онъ опытный, лучший изъ всѣхъ здѣшнихъ переводчикъ и пользуется довѣріемъ и уваженіемъ отъ всѣхъ туземцевъ Нушагакской миссіи, что имѣетъ болшее значеніе уже потому, что переводчикъ — посредникъ между священникомъ и прихожанами. Я же хотя и увеличилъ свои познанія въ знаніи мѣстнаго языка, но, по разнообразію выговоровъ его и по его трудности, не могу говорить съ прихожанами безъ переводчика, хотя почти все понимаю. Тотъ же переводчикъ Алексій Слезинъ былъ помощникомъ мнѣ и по школъ при преподаваніи священной Исторіи и ѣздилъ со мною по миссіи — въ Тугіакскія селенія; за свои труды онъ ежемѣсячно получаетъ изъ церковныхъ суммъ 10 долларовъ.

Во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ моихъ по церкви, по школъ и отчасти по миссіи моимъ помощникомъ въ истекшемъ году былъ псаломщикъ Кашеваровъ. О его поведеніи мнѣ приходится повторить тоже, что было мною донесено за 1896 годъ, т. е. что онъ послушенъ, трезвъ, скромный и не лѣнивъ исполнять то, что бы ему ни было поручено сдѣлать изъ относящагося къ служебнымъ его обязанностямъ.

Считаю не лишнимъ отмѣтить выдающееся событіе въ жизни моихъ прихожанъ туземцевъ — голодъ во всей Нушагакской миссіи, усилившійся весной 1897 года по недостатку юколы.

Зимой 1896-7 гг. былъ такой недостатокъ юколы (мѣстный хлѣбъ), что $\frac{1}{3}$ рыбы стоила 5—7 центовъ, тогда какъ въ другое время цѣлая рыба стоитъ центъ и менѣе. Голодъ же произошелъ не потому, что рыбы мало зашло въ рѣки изъ моря, а потому, что во время заготовленія юколы (весной 1896 года) $\frac{2}{3}$ всѣхъ туземцевъ страдали повѣтріемъ, осложнившимся въ болѣзнь «легринъ», которая сдѣлала ихъ неспособными въ то время ни къ какой работѣ; къ этому присоединилось то обстоятельство, что весна 1896 года и почти все лѣто было дождливое; дожди шли по двѣ недѣли подрядъ съ промежутками въ $\frac{1}{2}$ дня и много въ день, а такая погода не позволяла высохнуть рыбѣ и она падала испорченная и гнившая и негодная даже для пищи собакамъ. Голодъ весной 1897 года заставлялъ людей ѣсть прокисшую рыбу по полямъ съ землей; дѣло въ томъ, что здѣшніе туземцы не живутъ безъ протухшей рыбы; для окисленія свѣжей рыбы они выкапываютъ ямы, на подобіе русскихъ картофельныхъ ямъ, складываютъ туда пѣмыгую и печищенную рыбу свѣжую и все засыпаютъ землей; безъ такой, окисленной, рыбы, кажется, ни одно семейство не станетъ кушать и свѣжей пищи; къ веснѣ же 1897 года голодъ дошелъ до такихъ размѣровъ, что и ямы эти всѣ были очищены и когда нечего было кушать, то они отбивали замерзшую землю на стѣнкахъ этихъ ямъ и ѣли ее съ приставшими къ ней частичками рыбы.

Многія селенія обращались въ то время за помощью ко мнѣ и всѣ получали отъ меня, по мѣрѣ моихъ средствъ, и деньги и муку и рыбу соленую; такъ, жители селенія Экукъ черезъ своего тайона получили отъ меня на покупку рыбы изъ лавки нѣсколько долларовъ, жители сел. Каквокъ—цѣлую парту рыбы соленой, жители сел. Кнагнакъ—муку; словомъ, что можно было сдѣлать для ослабленія ихъ голода, я дѣлалъ, и еслибы и изъ дальнихъ селеній пріѣзжали ко мнѣ за помощью, то я счелъ бы за

счастье и имъ оказать помощь. Смертныхъ случаевъ отъ голода не было. Въ послѣдующее же лѣто мѣстные жители запасли довольно юколы, по случаю обильнаго улова рыбы.

Въ истекшее первое полугодіе 1898 года мною посѣщены всѣ селенія миссіи, кромѣ селеній по рѣкѣ Тугіакъ; въ первую поѣздку—съ 24 го января и по 14-е марта,—втеченіи 50 дней, посѣщены были селенія: Когьяль, Наугвикъ, Сѣверновское, Алагнакъ, Каханакъ, Илямна, Кичекъ, Каквокъ и Калигнакъ; а въ другую поѣздку—съ 29-го мая и по 20 іюня—посѣщено 4 селенія: Илягикъ, Агишекъ, Угашекъ и Инангашакъ,—самыя отдаленныя отъ Нушагака.

Желая оказать возможно большую пользу своимъ прихожанамъ чрезъ свои посѣщенія, я не спѣшилъ отъѣздомъ изъ селеній, проживая въ нихъ по 3—4 дня, и все почти время употреблялъ на религіозно-нравственныя собесѣдованія; въ зимнюю поѣздку сего года мнѣ сопутствовала во все время моя жена.

Въ теченіи перваго полугодія 1898 года совершено 39 м. п. и 34 ж. п. крещеній, 24 брака и погребеній 42 м. п. и 35 ж. п. Присоединено ко св. православной церкви язычниковъ 3 м. п. и 4 души ж. п.

Нынѣшнимъ лѣтомъ прихожанъ моихъ посѣтила та-же болѣзнь «легринъ», отъ которой въ 1896 году много пострадали мѣстные жители; въ прошедшую весну болѣзнь эта была въ большей силѣ, чѣмъ ранѣе, и очень много было смертныхъ случаевъ отъ этой болѣзни. Болѣзнь эта посѣтила и меня во время моей поѣздки въ Инангашекъ и Угашекъ, но, благодаря Господу, скоро оставила меня съ тѣмъ же здоровьемъ, какое имѣлъ я до болѣзни.

1898 г. Іюля, 1 оня.

Индіанское племя Тлингитъ.

Поселенія аляскинскихъ индіанъ. Первое знакомство съ ними русскихъ — сто лѣтъ тому назадъ. Война и охота. Языкъ — показатель культуры.

(Продолженіе).

„Первый владѣлецъ его былъ Кунанекъ изъ рода каквантанъ. Въ то время каквантаны жили еще въ первомъ мѣстѣ своего жительства, въ старомъ Хуновскомъ селеніи, находившемся на противоположной сторонѣ пролива, противъ нынѣшняго Хуно. Для Кунанека этотъ жезль, а также шапку, которою теперь владѣетъ главный тайонъ Хлянтычь, сдѣлалъ по заказу одинъ тлюханахатъ по имени Стаквонъ. Прежде чѣмъ взять этотъ посохъ въ руку и надѣть шапку, Кунанекъ устроилъ пиръ и созвалъ гостей со всѣхъ сосѣднихъ селеній. Тутъ были гости изъ Чилката, изъ Якутата и др. Праздникъ открылся тѣмъ, что въ честь новаго жезла и шляпы были всенародно задушены четыре раба мужского пола (мужчины цѣнились вдвое дороже, чѣмъ женщины). По смерти Кунанека эти тайонскія регалии перешли, согласно обычаю, вмѣстѣ съ тайонскимъ достоинствомъ и наслѣдствомъ къ младшему племяннику Качехъ-текина — Перелетному, который, переселившись изъ стараго мѣстожительства въ Ситку, принесъ сюда и посохъ съ шапкой. Здѣсь, на новомъ мѣстѣ жительства, Качехъ-текина, празднуя новоселье, устроилъ въ честь своихъ регалий еще болѣе знаменательный пиръ. На праздникъ присутствовали жители Чилката-канахъ-текеты, хуновскіе чакунеты, хуновскіе нушкитаны и др., не говоря о ситхинскихъ киксатахъ и тлюханахатахъ. Когда всѣ гости были на лицо, хозяинъ, окруженный своей свитой, въ

народномъ костюмѣ, съ мѣдвѣжьими ушами на головѣ, въ знакъ того, что ихъ родоначальникъ медвѣдь, — открылъ праздникъ жертвоприношеніемъ. Это было уже въ пятидесятыхъ годахъ, когда русское правительство запретило кровавыя жертвы и рабовладѣльчество. Поэтому жертвоприношеніе состояло въ слѣдующемъ. Предъ Качехъ-текина были поставлены вѣдь четыре раба, или, какъ ихъ называли, калги, обреченные на смерть. Качехъ-текина съ поднятой палкой въ рукахъ произнесъ рѣчь въ честь своего родоначальника Кунанека и его знаменитыхъ предковъ, въ заключеніе коснулся жезломъ каждаго изъ рабовъ, далъ каждому изъ нихъ поддержать этотъ жезль, — это было знакомъ, что они съ этой минуты освобождаются и получаютъ полную свободу жить всюду, кромѣ какъ только между индіанами. Такіе рабы обыкновенно тотчасъ же уходили къ русскимъ въ крѣпость, а при удобномъ случаѣ, если они были военнопленные, переправлялись на родину.

Съ этой поры въ послѣдующее время обѣ эти вещи постоянно употреблялись при всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ событіяхъ въ племени каквантановъ. Умиралъ-ли кто, или строился новый домъ, на празднествахъ, устраиваемыхъ при этомъ, эти регалии ставились на видное мѣсто, или же употреблялись тайономъ для разныхъ священнодѣйствій.

Послѣ смерти Качехъ-текина обѣ вещи, кит-цаху и анкау-уцака, перешли къ племяннику его по имени Лыгутаканъ, который также, прежде чѣмъ получить эту палку во владѣніе, долженъ былъ приобрести двухъ рабовъ и гри тѣхъ-же церемоніяхъ, какъ его дядя, отпустить ихъ на волю. Лыгутаканъ передалъ регалии племяннику, сыну своей сестры Шик-сан-кякъ, Каульгулькетлю. Этотъ по этому случаю тоже отпустилъ на волю одного раба — кай-

ганца.

По смерти Каультулькетля прямыхъ, законныхъ наслѣдниковъ не осталось. Ближайшей родственницей и наслѣдницей была тетка Каультулькетля, племянница Ку-нанека, перваго владѣльца вещей, Шик-саны-кикъ; она ихъ и получила, и только потому, что имѣла дѣтей. Въмѣсто рабовъ, которыхъ теперь не легко было достать, знаменитая палка держалась надъ стопами одѣяль, которыя постомъ и были раздарины присутствующимъ. Шик-саны-кикъ имѣла четверыхъ сыновей: Кау-чуху, (волчій зубъ), Тлэту, Кохнуку и Кулькита. Передала мать все наслѣдство старшему сыну Кау-чуху, который подобно матери роздарилъ одѣяль на сумму, равную цѣнѣ двухъ рабовъ. Но новый наслѣдникъ не долго владѣлъ ими. Онъ жилъ послѣ передачи Аляски Американцамъ, научился варить хучину или самодѣльную водку.— Кау-чуху былъ не дуракъ выпить и сдѣлался жертвой своей страсти—онился. Послѣ него наслѣдство перешло къ его двумъ братьямъ. Тлэту получилъ анка-уцака, а Кох-нуку—ки-т-ц-а-х-у. Оба брата тоже вскорѣ померли. Анка-уцака перешла по наслѣдству къ младшему брату Кулькита, т. е. настоящему владѣльцу палки. Поэтому случаю онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, устраивалъ тоже празднество, приглашалъ киксатовъ и тлюханахатовъ и дѣлалъ имъ подарки одѣялами и ситцамъ. Изъ-за шапки вышелъ судебный процессъ. На нее заявилъ притязаніе атлень-анкау каовантановъ И. Хлянтычь. Процессъ кончился въ его пользу, но онъ долженъ былъ заплатить адвокату порядочную сумму. Этой шапкой Хлянтычь владѣетъ и по сію пору”.

Эта исторія жезла наглядно характеризуетъ, какое значеніе имѣли между индіанами разные родовые знаки и фамильные регалии. Между послѣдними необхо-

димо еще упомянуть о тотемсѣ (totems), или фамильныхъ гербахъ.

Тотемсѣ представляютъ изъ себя ни болѣе ни менѣе, какъ доску фута полтора ширины и нѣсколько сажень въ высоту съ вырѣзками различныхъ фигуръ звѣрей, птицъ и разныхъ животныхъ, имена которыхъ носили знаменитые предки. При самомъ основаніи доски вырѣзывается изображеніе перваго родоначальника, какогонибудь бобра или выдры, подъ нимъ—его преемника, какогонибудь кита или медвѣдя, и т. д. Это въ своемъ родѣ индіанскіе іероглифы. Во время пиршествъ, такіа тотемсѣ и теперь еще выставляются на фронтъ бараборъ, а въ прежнее время они стояли постоянно. Вообще за послѣднее время число регалий дѣлается все менѣе и менѣе. Въмѣсто ихъ теперь умирающій тайонъ нерѣдко завѣщаетъ своему наслѣднику пачку разныхъ бумажныхъ свидѣтельствъ, полученныхъ лично имъ самимъ, или же еще его предшественниками, за различные услуги отъ губернаторовъ и управляющихъ Русско-Американской Компаніи, а позднѣе, отъ американскихъ офицеровъ и капитановъ военныхъ судовъ. Особенною цѣнностью пользуются, однако, свидѣтельства перваго вида, полученные отъ русскихъ. Нѣсколько такихъ свидѣтельствъ сохранилось отъ временъ губернаторовъ Гагенмейстера Воеводскаго и Этолино. Сохранилось также нѣсколько серебрянныхъ медалей и другихъ знаковъ отличія, какъ то: царскій кафтанъ, треуголка при немъ, на подобіе тѣхъ, какими и до сей поры еще награждаются инородческіе старшины въ Сибири, мѣдная ручная пушка, такой-же щитъ, двуглавый орелъ вѣсомъ фунтовъ въ десять и пр. Серебряныя медали относятся ко временамъ Александра I.

Этимъ вещамъ между индіанами цѣны нѣтъ. За деньги ихъ едва-ли можно купить. Можно только выманить обѣщанія-

ми большихъ наградъ и почестей. Американцы—туристы, прїѣзжающіе по лѣтамъ въ Ситку, не менѣе индіанъ любятъ подобныя вещи и тоже не прочь, какъ и всякій почти гражданинъ свободной страны, прицѣпить что-нибудь себѣ въ петличку, и они дѣлали неоднократныя попытки выманить у индіанъ свидѣтельства и разныя наградныя вещи, но еще не было случая, чтобы эти попытки оканчивались удачей. Любовь къ внѣшней, вычурной формѣ, къ блестящимъ значкамъ у индіанъ теряетъ иногда всякую мѣру. Извѣстенъ одинъ индіанскій тайонъ—имени его я здѣсь не желаю называть,—человѣкъ онъ именитый, не безъ состоянія и не безъ разсудка. Про него рассказываютъ слѣдующее. Всякій разъ, когда приходятъ въ мѣстечко, гдѣ онъ живетъ, пароходы съ туземцами, онъ передъ любопытными янки является въ нѣсколькихъ и самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. То предстанетъ во всей генеральской формѣ съ несмѣтнымъ количествомъ звѣздъ на груди, подаренныхъ ему въ разное время американцами, то полицменомъ, а то просто въ рясѣ и клобукѣ русскаго монаха. Рассказываютъ также, что въ одно время у него возгорѣлось желаніе пріобрѣсть архіерейскую митру. Но до сей поры это ему не удалось. Къ кому онъ ни обращался съ просьбами объ этомъ и за помощью, ему отвѣчали, что митры носятъ только духовныя лица, а не міряне, чего онъ однако не могъ понять, полагая причину отказа въ томъ, что онъ еще не выслужился.

Такая любовь къ знатности и сановитости несомнѣнно есть прирожденное качество и плодъ наслѣдственности.

Въ давнее время анкау, а тѣмъ болѣе атлень-анкау, пользовались огромнымъ вліяніемъ среди своихъ. Окруженные толпой рабовъ и плѣнниковъ они въ мирное время, ничего не дѣлая, услаждали себя и свое тщеславіе предсѣданіями на пирше-

ствахъ,—до чего индіане большіе охотники,—разѣздами по гостямъ къ сосѣднимъ дружественнымъ кланамъ и пр. Въ услугахъ тайона всегда была его дружина, т. е. отборные воины изъ всего клана, готовые во всякое время слѣдовать за своимъ вождемъ всюду—на пиры и на битвы. Самые приближенные изъ нихъ, всегда почти ближайшіе тайонскіе родственники, занимали мѣста знаменосцевъ и тѣлохранителей. Обыкновенно на эти должности назначались племянники тайона. Безъ свиты тайонъ не дѣлалъ шагу. Для того, что бы сѣсть въ лодку только или передвинуться изъ одной бараборы въ другую, нѣкоторые тайоны имѣли паланкицы и носильщиковъ. Ихъ одежда состояла изъ дорогихъ мѣховъ: соболей, бобровъ, горностаевъ и пр.

Въ настоящее время, какъ говорилось уже и выше, положеніе тайоновъ измѣнилось. Ихъ голосъ не многихъ заставляетъ трепетать. Теперь чуть не каждый индіанинъ мнитъ себя быть атлень-анкаѣ. Ранѣе, при русскіхъ, нѣкоторые изъ дружественныхъ тайоновъ еще пользовались почетомъ: ихъ ласкали, дѣлали имъ подарки, а за услуги давали награды. Въ отношеніи ихъ другъ къ другу и къ членамъ своего клана,—за исключеніемъ случаевъ, когда они сами обращались за этимъ къ русскимъ,—русскіе не вмѣшивались. Американское же правительство посмотрѣло на вещи совершенно иначе. Оно за тайонами не признаетъ никакого права; считаетъ ихъ на равнѣ со всякимъ другимъ индіаниномъ и старается уничтожить всячески ихъ вліяніе между своими односельчанами. Съ этою цѣлью облачаетъ иногда званіемъ полицейскихъ въ индіанскихъ поселкахъ людей совсѣмъ не тайонскаго происхожденія.

Не смотря на это и на другія условія современной жизни, тайонская власть и по сію пору настолько сильна, особенно

въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ вліянія цивилизаціи, что съ нею приходится считаться. Таюны теперь являются главными ревнителями и охранителями старинныхъ порядковъ и обычаевъ. Насколько это имъ удастся, можно судить по тому, что во всѣхъ почти сферахъ общественной жизни индіанинъ крѣпко держится древнихъ порядковъ. Особенно это выражается въ отношеніяхъ племенъ другъ ко другу, въ семейной жизни, въ повѣрціяхъ и различныхъ церемоніяхъ.

III

Понятія о родствѣ. Отношенія племенъ и клановъ другъ ко другу. Аманатство. Одъяла, какъ мѣра щирности.

Хотя оба индіанскія племена, волчьё и вороньё называютъ себя однимъ именемъ тлингитъ, но въ отношеніяхъ другъ ко другу считаются чужими и обыкновенно одно племя называетъ человѣка другого племени за глаза кунэтканаги, т. е. не нашъ, чужой, въ то время какъ одноплеменника называетъ ахунны или аххунки, — родственникъ. Родство признается только кровное съ материнской стороны. Это непреложный законъ. Въ этихъ видахъ индіанцы беретъ себѣ жену изъ другого племени, т. е. волчьаго племени мужчина женится на женщинѣ вороньаго племени, и наоборотъ. Всякая женщина одного племени, хотя бы иного клана, считается родной каждому изъ мужчинъ тогоже племени. Взять себѣ въ жены изъ своего же племени, хотя бы изъ другого, отдаленнаго и совсѣмъ не родственнаго по нашимъ понятіямъ клана, считается великимъ позоромъ. Поэтому въ устахъ индіанина слово ахсаны, т. е. дядя съ отцовской стороны, не указываетъ на

близкое родство, а лишь только на извѣстныя отношенія въ семьѣ. Въ такомъ же смыслѣ иногда мужчины другого племени называются ах-ишъ, т. е. отцы наши, наприм. каквантаны говорятъ такъ о мужчинахъ киксатахъ

Эти краткія указанія какъ индіане понимаютъ родство, уже ясно говорятъ о томъ, что трудно со стороны разобратся въ ихъ родственныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что родственныя отношенія и связи у индіанъ имѣютъ, какъ ни у кого, огромное значеніе въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому, племенъ и клановъ между собой.

Слѣдовало бы полагать, что при природной склонности индіанъ къ раздорамъ и всякаго рода кляузамъ, которые въ прежнее время обыкновенно оканчивались кровавой развязкой и непримиримой враждой, отношенія между двумя племенами не могутъ быть иными, какъ только неприязненными, и въ частности, — что между двумя враждующими кланами одинъ долженъ принадлежать непременно къ волчьему, въ то время какъ другой — къ вороньему. Но въ дѣйствительности оказывается иначе. Чаше возгораются ссоры между единоплеменными. И вотъ почему. Племенная связь между этими послѣдними, особенно живущими въ различныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, настолько утрачиваетъ со временемъ свое значеніе, а кланы, съ другой стороны, обособляются, что отчужденность между нѣкоторыми единоплеменными кланами бываетъ большая, чѣмъ между разноплеменными. Кровное родство, такимъ образомъ, теряетъ свою дѣйственность въ то время, какъ брачныя связи вступаютъ въ силу. Женщины, находясь въ средѣ клана другого племени, являются т. об. противодѣйствующимъ элементомъ вліянію кровнаго родства.

Какъ на примѣръ, — иллюстрацію такихъ

отношеній можно указать на недавно возгорѣвшуюся ссору между двумя Ситхинскими кланами киксатовъ и тлюханахатовъ. Оба клана принадлежать къ одному вороньему племени. Ссора вышла изъ-за х и х ч а или идола лягушки. Киксаты или хихъ-саты съ незапамятныхъ временъ считали своимъ родоначальникомъ лягушку и ея изображеніе было у нихъ знаменемъ клана. У тлюханахатовъ знаменемъ былъ кюзючъ—т л ю к ъ или лосось. Но въ тоже время въ ихъ преданіяхъ сохранилось отчетливое извѣстіе о томъ, что не очень давно, даже не далѣе какъ въ началѣ текущаго столѣтія, ихъ предки, наравнѣ съ т л ю к о м ъ, почитали и держали изображенія х и х ч а. Вспоминаются якутатскіе тайоны, братья ч е с т ы я, отъ которыхъ ведутъ начало многія тлюханахатскія бараборы и которые несомнѣнно держали у себя идола х и х ч а. Объясняется это преданіе легко тѣмъ, что первый родоначальникъ, сообщившій свое имя тлюханахатамъ, происходилъ изъ племени киксатовъ. Переселившись въ Якутатъ или будучи сыномъ киксатки, вышедшей замужъ въ Якутатъ, онъ съ своимъ потомствомъ зажилъ особенной жизнью, и потерялъ со временемъ всякую связь съ своими родичами—киксатами, кромѣ того, что чествовалъ своего родового идола—к у т ы ю—х и х ч а. Но потомъ его преемники перестали и это дѣлать, предпочитая чествовать т л ю к ъ а или идола ихъ родоначальника.

Въ позднѣйшее время тлюханахаты въ большомъ количествѣ выселились на Барановскій островъ, размножились, образовали много зажиточныхъ бараборъ; это обстоятельство и подало поводъ имъ взмнить о себѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Опираясь на свою многочисленность, они задались мыслию сдѣлать хихча своимъ знаменемъ наравнѣ съ кизючемъ и тѣмъ самымъ показавъ что ихъ кланъ

между вороньими кланами имѣетъ тоже свою древность. Киксаты называютъ себя самымъ древнимъ кланомъ и хозяевами Барановскаго острова, третируя всѣ остальные своеплеменные и иноплеменные кланы какъ пришельцовъ и бродягъ. Но патронъ тлюханахатовъ тоже лягушка, слѣдовательно и они ничѣмъ не хуже киксатовъ и на землю лягушки—Барановскій островъ они имѣютъ такое же право, какъ и тѣ. Однимъ словомъ, тлюханахаты, какъ выразился одинъ очевидецъ всѣхъ перипетій затѣяннаго ими предпріятія, возмечтали „дать понятіе своимъ темнымъ сородичамъ о своей гордой геральдїи"... Какъ видите дѣло дѣлалось не безъ нѣкоторой дозы логики, практикуемой людьми, когда нужно оттянуть что либо чужое.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Запросы нашей Миссіи.

Отчасти по поводу моей замѣтки, помѣщенной въ 6 N-ѣ нашего изданія, а болѣе всего имѣя въ виду преподать предстоящему съѣзду православныхъ миссіонеровъ Нью-Йоркскаго округа нѣкоторыя весьма существенныя, по суду автора, руководственныя соображенія, священникъ Гр. Грушка помѣстилъ въ 5 N-ѣ редактируемой имъ газеты „Свѣтъ" большую статью „Предъ Конвенціею“, озаглавленную такъ должно быть по недоразумѣнію, такъ какъ авторъ „Свѣта" не касается конвенціи, а исключительно трактуетъ о задачахъ Съѣзда.

I

Начинаетъ авторъ статью ироническимъ отнесеніемъ выдвигнутаго мною въ указанной замѣткѣ вопроса—о желательности однообразнаго „выповненія церковно-служебныхъ приписовъ" и соблюденія „чистоты обрядовъ межъ недавно наведенными ся изъ уніи"—къ „квестіямъ" которыя должны быть обойдены молча-

ніемъ, ибо одно обсужденіе оныхъ наносило бы вредъ и ущербъ нашему дѣлу...

И вотъ почему: "Тутъ не треба мѣшати два рѣзни понятія разомъ. Православіе а обрядовщина—то не одно. Черезъ такъ мѣшане идей православна церковь наробила себѣ много вороговъ и чорнителѣвъ... На съѣздѣ миссіонеровъ повинни бути переняти веѣ тою гадкою, що обрядъ не есть само православіе и що треба брати на увагу православіе съ исторично-догматичного боку"...

Помилуйте, какъ же автору было и не испугаться? „Недавно Филадельфійска газета Инквайеръ подала ложну вѣсть, що буцѣмъ то въ православной церкви не проповѣдается, только все православіе состоитъ въ нѣшнихъ обрядахъ та у довгихъ отпирвахъ и що православіе есть релиженъ овъ таксешень!"

Развѣ этого мало, чтобы малодушно спрятаться, обезличить обрядную сторону православія и наше богослуженіе подладить подъ вкусъ такого какъ корреспондентъ „Инквара" авторитетнаго цѣнителя и обвинителя, сокративъ то, что ему не нравится, и заполнивъ часы службы проповѣдью!..

Послушаемъ, однако, что говорить какъ разъ по этому предмету одинъ изъ благочестивѣйшихъ мірянъ нашей святой православной Церкви:

«Говорятъ, что обрядъ — неважное и второстепенное дѣло. Но есть обряды и обычаи, отъ которыхъ отказаться — значило бы отречься отъ самаго себя, потому что въ нихъ отражается жизнь духовнаго человѣка или всего народа, въ нихъ сказывается цѣлая душа. Въ разности обряда выражается всего явственнѣе коренная и глубокая разность духовнаго представленія, таящаяся въ безсознательныхъ сферахъ духовной жизни, — та самая разность, кото-

рая препятствуетъ слянію или полнотѣ взаимнаго сочувствія между разноплеменными народами и составляетъ основную причину разности церковей и вѣроисповѣданій. Отрицать съ отвлеченной, космополитической точки зрѣнія, дѣйствіе этой притягательной или отталкивающей силы, приравнивая ее къ предразсудку, — значило бы тоже, что отрицать силу сродства (*wahlverwandschaft*), дѣйствующую въ личныхъ между людьми отношеніяхъ.

Протестанты ставятъ намъ въ упрекъ формальность и обрядность нашего богослуженія; но когда посмотришь на ихъ обрядъ, то невольно отдаешь и въ этомъ отношеніи предпочтеніе нашему обряду; чувствуешь, какъ нашъ обрядъ простъ и величественъ въ своемъ глубокомъ, таинственномъ значеніи. Священнослужитель поставленъ въ нашемъ обрядѣ такъ просто, что отъ него требуется только благоговѣйное вниманіе къ произносимымъ словамъ и совершаемымъ дѣйствіямъ; въ устахъ его и чрезъ него священныя слова и обряды *сами за себя говорятъ* — и какъ глубоко и таинственно говорятъ душѣ cadaго и соединяютъ все собраніе въ одну мысль и въ одно чувство! Оттого самый простой и неискусный человѣкъ можетъ, не подстраивая себя, не употребляя искусственныхъ усилій, совершать молитвенное общеніе со всей церковью. Протестантскій молитвенный обрядъ, при всей наружной простотѣ своей, требуетъ отъ священнослужителя молитвеннаго дѣйствія въ извѣстномъ топѣ. Оттого въ этомъ обрядѣ только глубоко духовные или очень талантливые люди могутъ быть просты; остальные же — т. е. огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибѣгать къ аффектаціи, которая именно въ протестантскихъ храмахъ чаще всего встрѣчается и производитъ на непривычнаго человѣка тягостное впечатлѣніе. Когда видишь проповѣдника, какъ онъ, стоя посреди храма, лицомъ къ размѣщенному чинно на скамьяхъ собранію, произноситъ молитвы, воздвѣвая глаза къ небу, сложивъ руки въ извѣстный

См. стр. 132 и 135 „Ам. Пр. Вѣстника" 1896 г. Московскій Сборникъ. Изд. К.П. Побѣдоносцева.

всѣми употребляемый видъ, и придаетъ своей рѣчи неестественную интонацію, — становится неловко за него думается, какъ должно быть ему неловко! Еще оцутительнѣе становится неловкость, когда, окончивъ обрядъ, онъ всходитъ на кафедру и начинаеть свою длинную проповѣдь, оборачиваясь отъ времени до времени назадъ, чтобы выпить изъ стакана воды и собраться съ духомъ. И въ этой проповѣди рѣдко случается слышать дѣйствительно живое слово, — когда проповѣдникъ дѣйствительно духовный человѣкъ и талантъ. Говорятъ большою частью *работники* церковнаго дѣла, чрезвычайно натянутымъ голосомъ, съ крайнею аффектаціей, съ сильными жестами, поворачиваясь изъ стороны въ сторону, повторяя на равные лады общія, всѣми употребляемая фразы. Даже, когда читаютъ на книгѣ, что нерѣдко случается, они прибѣгаютъ къ извѣстнымъ тѣлодвиженіямъ, интонаціямъ и разстановкамъ. Нерѣдко случается, что проповѣдникъ, произнося нѣкоторыя слова и фразы, кричитъ и ударяетъ кулакомъ по кафедрѣ, чтобы придать выразительность своей рѣчи... *Здѣсь чувствуешь, какъ вѣрно примѣнилась наша церковь къ природѣ человеческой, не помѣстивъ проповѣди въ составъ богослужебнаго обряда. Весь нашъ обрядъ, самъ по себѣ, составляетъ лучшую проповѣдь, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что всякій принимаетъ ее не какъ человеческое, а какъ Божіе слово.* И церковный идеалъ нашей проповѣди, какъ живого слова, есть *ученіе вѣры и любви, отъ божественныхъ писаній, а не возбужденіе чувства, какъ необходимое дѣйствіе каждаго священнослужителя на собравшихся въ церковь для молитвы».*

Но и кромѣ того, о. Грушкѣ прекрасно извѣстно, что въ нашей миссіи долгъ церковной проповѣди соблюдается всѣми пастырями неопустительно: исключенія бывають въ рѣдкихъ и уважительныхъ случаяхъ. Проповѣдуютъ отцы по мѣрѣ удѣленныхъ каждому Богомъ дарованій и силъ, большею частью живымъ изустнымъ

словомъ, рѣдко. кто — по тетрадкѣ. Не станетъ же требовать о. Грушка, чтобы священникъ, — чуть увидитъ какого-либо критикана изъ протестантовъ входящимъ въ храмъ, — сейчасъ же начиналъ по англійски sermon, дабы убѣдить этого посетителя. „что въ православной церкви проповѣдаетъ ся” и тѣмъ предотвратить „постыдное” для нашего богослуженія его сужденіе, „будемъ то въ нашей церкви не проповѣдаетъ ся”... Въ этомъ отношеніи гораздо опаснѣе переусердствованіе въ обратную сторону: надо воспитывать народъ въ томъ убѣжденіи, что проповѣдь есть нѣчто дополнительное, что она не должна какимъ бы то ни было образомъ ослаблять вниманіе богомольца и благоговѣніе его къ остальному уставному богослуженію. Къ сожалѣнію, уже и теперь нерѣдко приходится наталкиваться на печальныя явленія указаннаго рода. Ходячій анекдотъ изъ униатской практики, какъ нѣкій прихожанинъ, дѣлясь съ прихожанами другихъ церквей своими вынесенными изъ богослуженія впечатлѣніями, въ чувствахъ благороднаго соревнованія разразился комплиментами по адресу своего душпаствыря: „ото отецъ, такъ отецъ: говоривъ, говоривъ безъ конца, ажъ въ горлѣ ему пересохло, ажъ ноги намъ потемнѣли. О, щожъ то за красна проповѣдь, що то за казане... Та такъ учено, та такъ мудро, що мы, дай ему Боже здоровья, ничѣгисенько не зрозумѣли”... Большой грѣхъ пастырю православному, если онъ къ тому сведеть смыслъ церковнаго богослуженія и не направитъ духовнаго интереса богомольца въ часы богослуженій въ надлежащую сторону.

Ни сколько не „мѣшая” идей — православія и обрядовщины — и беря „на увагу, согласно] совѣту о. Грушки, именно православіе съ догматично-историчнаго боку”, мы продолжаемъ настаивать на томъ, что вопросъ о введеніи однообразія въ цер-

ковной практикѣ и наблюденіи чистоты обряда—вовсе не изъ тѣхъ „квестій“, которыя слѣдуетъ обойти молчаніемъ на нашемъ съѣздѣ. Провидѣніе указало задачу нашей православной миссиі здѣсь въ постепенномъ возвращеніи къ родной православной вѣрѣ заблудшихъ, по винѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ, униатовъ... Значитъ, мы должны преподавать обращеннымъ братьямъ наше сокровище, православную вѣру и обрядъ во всей неповрежденности, въ какой сохранила ихъ православная церковь. Все наносное, всю ту плѣсень и наросты, всѣ поврежденія, какимъ подверглись въ теченіи трехсотлѣтняго пребыванія нашихъ несчастныхъ братьевъ, подъ игомъ римскимъ, мы должны тщательно и осторожно соскоблить, а неоставлять и холить—съ обоюднымъ для себя и обрацаемыхъ успокоеніемъ, что это-де все едино... Гоняться за непрочнымъ успѣхомъ никто не станетъ; покупать побѣду цѣною такихъ уступокъ—губить свою душу и дѣло. Тѣмъ болѣе что, въ своей замѣткѣ я говорилъ не о неважныхъ только разницахъ, а и о разницахъ въ совершеніи и даже пониманіи таинства: ужели же это—не стоящее разговора обстоятельство,—въ ту минуту, когда мы только еще начинаемъ строить и когда для начала постройки необходимъ крѣпкій, сдѣланный по одному образцу и подобранный матеріалъ, чтобы камень прилегалъ вплотную къ другому и не давалъ скважинъ и шереховатостей?.. Теперь возьмите, о. Грушка, „православіе съ догматично-историчного боку“: вамъ надо доказывать, напр., какъ православному миссіонеру просвѣщающему своихъ заблудшихъ братьевъ, что истинная и вѣрная форма крещенія—погруженіе, что паписты ввели обливаніе вопреки смыслу и указаніямъ свящ. Писанія и древности, и навязали это заблужденіе и православному народу, увлеченному въ унию,—а вы вдругъ стали бы крестить обливательно. Какая цѣна была бы

вашей проповѣди и религіиной наукѣ и какое довѣріе къ вашимъ словамъ?— Или: васъ зовутъ къ тяжело больному; просятъ совершить елеосвященіе, седьмое таинство; вы, какъ православный, знаете, что по силѣ этого таинства ниспосылается больному благодать исцѣляющая и воздвигающая; а вы вдругъ взяли бы униатскій требникъ и прочитали („обрядовщина“—дескать, „приписъ“) по нему коротенькую молитву елеосвященія—напутствовавъ ею больнаго къ смерти... Вотъ вамъ два примѣра: это именно тѣ разницы, о которыхъ я писалъ ранѣе и къ которымъ вы отнеслись съ такимъ пренебреженіемъ... Въ нихъ вѣдь и выражается наше пониманіе православія „съ исторично-догматичного боку“, и, слѣдовательно, онѣ не мало вліяютъ на характеръ всей нашей миссіонерской проповѣди, свидѣтельствуя ея доброкачественность...

II.

„Найважнѣйшою справою, соглашается о. Грушка съ нами,—якою повинно заняться на миссіонерскомъ съѣздѣ—есть выроблене пляну нашей православной миссиі въ Америцѣ беруче православіе въ правдивомъ его значеніи“: „треба мати на взглядѣ и край, въ котромъ провадитъ ся православна миссиа и людей, середь котрыхъ головно проповѣдується православіе“... Къ сожалѣнію, средства предложенныя авторомъ далеко не въ состояніи представить такого плана или дать руководственную программу дѣятельности, а главное, не имѣютъ даже близкаго отношенія къ полномочіямъ съѣзда. 1) Спора нѣтъ, что издавать газету на языкѣ „зрозумѣломъ и понятномъ для нашихъ русиновъ въ Америцѣ“—нужда существенная; но этотъ запросъ отчасти уже разрѣшенъ практически изданіемъ малороссійской газеты „Свѣтъ“; остается урегулировать матеріальную сторону изданія такъ, чтобы сдѣлать его болѣе частымъ, чѣмъ

тѣ неопредѣленные сроки, въ какіе выйдеть газета теперь, благодаря тому, що „газета вымагае богато гроша“, а „не ма що оглядаться на предплатникѡвъ, тутъ дяковати Господеву, що ще даромъ люде читають“...

Чѣмъ же поможетъ Съѣздъ этому дѣлу?—Думается намъ, что главнѣйшая обязанность содѣйствовать успѣшному рѣшенію его—лежитъ не на немъ, а почти всецѣло на „Православномъ Обществѣ Взаимопомощи“ и, какъ намъ достовѣрно извѣстно, этотъ вопросъ и будетъ детально разсматриваться на ближайшей конвенціи делегатовъ отъ братствъ. По уставу Общества (ч. 2-я, п. а.), къ цѣлямъ послѣдняго относится посильное участіе въ дѣлѣ изданія православной газеты, календаря и религіозно-нравственныхъ брошюръ, полезныхъ для просвѣщенія народа и воспитанія въ немъ чувствъ любви, преданности Православію, Церкви и пр.“... И „Общество“, дѣйствительно, еще на прошлой Конвенціи выразило готовность субсидировать изданіе „Свѣта“ и,—имѣя въ виду какъ матеріальныя выгоды изданія, такъ и возможно болѣе широкое распространеніе газеты среди народа,—въ качествѣ пробной мѣры сдѣлало подписку на эту газету обязательной для всѣхъ своихъ членовъ, съ пониженіемъ платы для такихъ обязательныхъ подписчиковъ вдвое. Мѣра не оказалась вполнѣ успѣшной по причинамъ, которыя подробно будутъ указаны въ отчетѣ Общества. Главнѣйшія изъ нихъ: а) въ Обществѣ нерѣдко состоятъ члены одной семьи—мужъ и жена: къ чему же имъ два экземпляра „Свѣта?“ б) языкъ „Свѣта“ понятенъ для одной лишь части славянства, для галичанъ, другіе же—коренные русскіе, словаки и др. протестуютъ, что, давая ту же сумму денегъ, они не могутъ вовсе извлекать изъ газеты какую бы то ни было для себя пользу и, слѣдовательно, вправѣ де-

уклониться отъ платежа денегъ; отсюда естественно и в) то, что газета не выходила регулярно и тѣмъ расхолаживала и остальныхъ платныхъ читателей. На предстоящей конвенціи делегатамъ предстоитъ поэтому приискать какую либо иную мѣру; послѣдняя, по всей видимости, можетъ состоять въ отмѣнѣ обязательной подписки; въ опредѣленіи ежемѣсячной субсидіи на изданіе, подъ условіемъ нѣкотораго контроля со стороны Правленія Общества; въ пониженіи подписной платы для членовъ Общества по сравненію съ другими подписчиками, и въ приспособленіи газеты къ пониманію большаго количества читателей. Намъ приходилось выслушивать не разъ и отъ разныхъ лицъ желанія, чтобы газета издавалась тѣмъ нарѣчіемъ, которымъ издается, напр. „Галичанинъ“, „Наука“ и нѣкоторыя другія газеты въ Австріи,—или прямо чистымъ русскимъ языкомъ, такъ какъ разнаго рода „квестіи“ „безъ ліку“, „змаганя“ и пр.—это излишнія и затрудняющія пониманіе простаго читателя шероховатости. Достойно примѣчанія, что такого рода желаніе намъ пришлось выслушать отъ галичанина тѣхъ же краевъ, что и издатель „Свѣта“. Мотивы для такихъ заявленій достойны всяческаго вниманія и поощренія: постепенно научаясь чистому русскому языку, въ элементарныхъ его формахъ, нашъ австрійско-американскій славянинъ войдетъ сознательно въ нашу отечественную литературу, корорая своимъ богатствомъ восполнитъ худосочную литературу его края и дастъ ему возможность ближе и ближе подойти къ единокровной ему Руси, тяготѣніе къ которой прочно коренится въ тайникахъ его души.... „Общество“ же наше настолько, благодареніе Богу, богато нынѣ, что можетъ прочно и устойчиво поставить матеріальную сторону изданія какъ газеты, такъ и „книжочокъ науково-литературнаго религіозно морального

вмѣсту по найтаньшой цѣнѣ и приступной для каждого“,—вродѣ тѣхъ брошуръ, какія издаются въ опредѣленные сроки Русскими обществами въ Австрiи—, „Провсвѣтой“, М. Качковскаго и др. — Что же касается участія отцовъ миссіонеровъ Съѣзда, то они могли бы проявить содѣйствіе въ этомъ полезномъ дѣлѣ—единодушнымъ рѣшеніемъ помогать ему своимъ трудомъ по мѣрѣ силъ, взаимнымъ обсужденіемъ темъ и предметовъ, которые бы составили бодержаніе такихъ книжечекъ, и разработкой этихъ темъ, въ формѣ популярныхъ, общеполезныхъ статей, разсказовъ и т. д. Въ Россіи есть правило, по которому всѣ городскіе напр. священнослужители, сверхъ обычнаго проповѣдничества въ ихъ церквахъ, обязаны, каждый въ свою очередь, по назначенію Архіерея, составлять для произнесенія въ каедральномъ соборѣ слово, которое предварительно удостоивается просмотра Епископа или, по изволенію его, каедральнаго протоіерея. Этотъ добрый обычай, давая возможность Епископу непосредственно ознакомиться со степенью дарованій тѣхъ или другихъ его пастырей и подвергать послѣднихъ контролю, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ соревнованіе, могъ бы имѣть мѣсто и у насъ, и именно въ видѣ Архипастырскаго приказанія миссіонерамъ время отъ времени представлять на просмотръ Его Преосвященству размышленія и статьи приспособленныя къ выше указаннымъ цѣлямъ и написанныя на самыя жизненныя темы, взятая изъ мѣстныхъ наблюденій пастыря, направленные къ истребленію или ослабленію пороковъ его пасомыхъ, улучшенію ихъ житья—бытья и пр. Одобренныя Архипастыремъ и признанныя пригодными для напечатанія, эти статьи могли бы быть издаваемы на средства „Общества Взаимопомощи“ съ тѣмъ, конечно, чтобы прибыль отъ продажи изданія поступала въ кассу

этого Общества.

2) Къ другому предложенію о. Грушки мы не можемъ отнестись иначе какъ несерьезно. „Щобъ наша миссія была по правдѣ миссіею послѣ апостольскаго значенія, треба также на съѣздѣ запровадити и установити практику такъ званыхъ публичныхъ отчитовъ для народу, котрiй трималибъ ся миссіонерами разъ у той, разъ у другой мѣсцевости. Таки отчиты нашъ народъ дуже любить и радо громадивъ бы ся послухати и переконати ся о правдѣ. О предметъ такихъ отчитовъ не трудно; житя люцке во всякого рода недостатковъ, змагань, идеаловъ есть дуже богате, запросовъ на каждомъ кроцѣ и съ каждого боку безъ ліку и на котрi-то запросы або справы въ нынѣшнихъ часахъ каждый по своему стараець отповѣсти, розъяснити и вказати выходъ изъ долегливого, докучаючого положеня въ соспільномъ, экономичномъ, религiйномъ житю сучастного чоловѣчества. Напримѣръ взять за предметъ отчита: „положене американскаго робѣтника въ загалѣ, а русскаго въ особености“. Въ отчитѣ представити робочу кляссу зѣ всѣхъ бокѣвъ т. е. зѣ „экономичнаго, религiйнаго и нравственнаго, и т. д.

Для чего, спрашивается, все это?—Мы не только не считаемъ такихъ соображеній серьезными, но и всю эту затѣю признаемъ совершенно нецѣлесообразной, излишней и расплывчатой. Газета будетъ? Брошуръ будутъ?—Такъ вѣдь въ нихъ и можно всѣ такіе „отчиты публичны“ печатать: ужъ конечно, они тогда скорѣе достигнутъ цѣли... Странно приплетать такіе „отчиты“ къ апостольскому значенію и назначенію нашей миссіи. Да и кого обложить этими полномочіями—разъѣзжать по разнымъ мѣстностямъ и читать рефераты? Разъ у священника миссіонера есть время, онъ можетъ во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, или въ залѣ брат-

скихъ собраній, дѣлиться со своими пасомыми всѣми полезными по его мнѣнію свѣдѣніями, преподавать уроки и т. п. Такія темы, какъ „выховане дѣтей въ русско-православномъ духѣ, значеніе науки, обхожденя ся съ запряцованнымъ грошемъ, пятака“ и пр.—вполнѣ умѣстны въ поученіяхъ и съ церковной каеедры, особенно если пастырь настойчивъ и слово свое утверждаетъ дѣломъ, т. е. если самъ способствуетъ развитію духовно-моральной стороны въ своихъ прихожанахъ; если своихъ дѣтей и дѣтей приходскихъ наставляетъ по должному; если находитъ возможность устроить у себя въ приходѣ нѣчто вродѣ сберегательной кассы или благотворительныхъ учреждений; если самъ не злоупотребляетъ спиртными напитками, а наоборотъ, учреждаетъ у себя общество трезвости и т. д. Вотъ эту практическую сторону въ миссіонерствѣ надо имѣть всегда въ виду, чтобы слово соцутствовало дѣломъ...

Такъ, въ сущности, „Свѣтъ“ ничѣмъ и не посодѣйствовалъ „выробленю плану нашей православної миссіи въ Америцѣ“...

III.

Будемъ надѣяться, что взаимный, дружный обмѣнъ мыслей всѣхъ участниковъ предстоящаго Съѣзда, руководимыхъ и направляемыхъ Архипастыремъ, дастъ въ этомъ отношкніи настолько благопріятные результаты, насколько это возможно, при ограниченныхъ миссіонныхъ средствахъ... Надо помнить то, что съ одного разу всего ни обсудить, ни предусмотрѣть нельзя.

Планъ намъ необходимъ. Цѣли нашей миссіи къ настоящему времени опредѣлились достаточно, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ впередъ. Минувшіе годы носили характеръ подготовительныхъ работъ, изысканій. Теперь надо извѣситъ свои силы и средства и направить ихъ надлежащимъ и возможно болѣе экономнымъ образомъ на постройку зданія. Годъ отъ

году число присоединяемыхъ униатовъ увеличивается; вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и затрудненія миссіи, коренящаяся въ матеріальной сторонѣ. Для новообращенныхъ нужны пастыри, а при той разбросанности населенія, при тѣхъ постоянныхъ перекочевываніяхъ, въ погонѣ за работой, нашихъ переселенцевъ изъ Австріи, при тѣхъ частыхъ безработицахъ, какія имѣютъ мѣсто въ Америкѣ,—пастырь долженъ имѣть для достойнаго прохожденія своего званія субсидію извнѣ, помимо поддержки отъ своихъ чадъ духовныхъ. Мы убѣждены, да и имѣли для того документальныя данныя, что многіе и многіе изъ униатовъ ищутъ присоединенія къ православної церкви, но миссія наша, во избѣжаніе возможныхъ нареканій, по недостатку средствъ и миссіонеровъ, отказывается имъ въ просьбѣ или если соглашается принять ихъ, то на такихъ условіяхъ, которыя для русскихъ здѣшнихъ поселеній весьма смутительны и заставляютъ ихъ держаться своего униатскаго строя,—т. е. безъ обѣщанія имъ даже изрѣдка священника. Какъ же однако справляются униатскіе священники и приходы?—Разница большая: униатскій священникъ здѣсь ничѣмъ не связанъ; онъ самъ себѣ панъ; хочетъ онъ быть легальнымъ и заявиться латинскому епископу,—онъ заявится, представитъ свои грамоты; хочетъ онъ быть индепендентнымъ—ни къ кому не заявляется, а прямо основывается гдѣ либо въ приходѣ; униатскихъ поселковъ много, спросъ на душпастырей большой; намъ сообщали, что не рѣдкость, особенно прежде, было встрѣтить и запрещенныхъ священниковъ. Основался въ въ приходѣ—никому никакихъ отчетовъ, никакого контроля, никакой ответственности; дѣло ведется по домашнему, при содѣйствіи кураторовъ, братства и проч. Случилась треба—назначай цѣну по своему усмотрѣнію, особенно если треба внѣ прихода и надо ѣхать; нужно до зарѣзу—

такъ какую угодно сумму заплатятъ. Семья есть, ѣсть надо,—совѣсть не мучить, ибо жалованья казеннаго не положено. Похозяйничаль такъ,—и жалотанья не надо, еще и отложить удастся. Не пришелся по вкусу въ приходѣ,—снимайся съ якоря, не спрашиваясь ни у кого и иди въ другой приходъ: тамъ братство опять условится ту или иную сумму выдавать на мѣсяць священнику, опредѣлитъ таксу на требы; не заплатили денегъ исправно—иди въ третье мѣсто и т. д. Безотраднa, непривлекательна эта, полная униженій и оскорбленій, случайностей и превратностей жизнь, но вѣдь эти уніатскіе священники представлены себѣ и должны средства къ жизни изыскивать, иначе нищенствовать придется... Теперь, представьте себѣ, что какой либо изъ этихъ священниковъ, изучивъ исторію и познавъ всю ложь своего уніатства, всею душею возжелалъ бы перейти въ нашу миссію, но у насъ штатныхъ складовъ не хватило, его, значить, надо принять безъ всякихъ субсидій, съ отчисленіемъ однако къ какой либо церкви... Вотъ онъ,—православный миссіонеръ. Онъ подчиненъ высшимъ инстанціямъ, онъ обязывается свято выполнять всѣ предписанія Начальства, вести отчетности по приходу въ дубликатахъ по десяткамъ статей; его контролируютъ по его дѣйствіямъ въ школѣ, въ приходѣ; онъ не смѣетъ отлучиться безъ вѣдома со своего мѣста: онъ не смѣетъ капризно хозайничать въ своемъ приходѣ, не смѣетъ заламывать такихъ цѣнъ за требы, какъ врежде, потому что станетъ подъ прямой штрафъ Епахиальнаго Начальства за вымогательное и лихоимство. Наконецъ, приходъ отказывается ему платить условленную плату, куда ему идти? а жить надо, кормить семью надо... Да и престижъ миссіи и церкви требуетъ, чтобы эта жизнь проходила прилично, безособлазненно, особенно здѣсь, на виду у всѣхъ инославныхъ толковъ... Надо, слѣ-

довательно, чѣмъ либо вознаградить эту разницу положенія; надо, чтобы хоть сколько нибудь субсидировать такихъ миссіонеровъ. Будетъ ли это ежемѣсячное жалованье, или надежда, основанная на документальныхъ данныхъ, что по истеченіи извѣстнаго срока службы такой безплатный миссіонеръ получить извѣстныя права, пенсію или штатное мѣсто, при условіи добропорядочной службы—это сразу измѣнить все дѣло... А до тѣхъ поръ даже искреннія стремленія могутъ быть подавлены житейскими расчетами и потому православной миссіи не слѣдуетъ ожидать миссіонеровъ съ этой стороны,—да если бы такіе и случились, то въ грядущемъ оказались бы неминуемо “бѣды отъ сродникъ”...

Притомъ, такая мѣра—расширеніе нашихъ миссіонеровъ насчетъ присоединенія душпастырей изъ уніи,—даже еслибы эти присоединенія вытекали изъ самой безкорыстной убѣжденности, и еслибы даже наша миссія находила средства поддержать ихъ въ ихъ дѣятельности какой либо опредѣленной субсидіей,—намъ и не кажется особенно прибыльной. Это вовсе не въ обиду кому либо говорится, а просто мы высказываемъ личныя соображенія,—и вотъ каковы основанія для послѣднихъ: при началѣ дѣла требуется постоянство, увѣренность и навѣкъ; если въ какой либо массовой средѣ легко растворяется капля какого либо иного состава, принимая свойства этой среды: если священникъ, оставившій унію, легко освоился бы со всѣми особенностями строя православнаго, находясь въ Россіи,—то здѣсь такія единичные случаи, безъ предварительной церковно-дисциплинарной подготовки въ духѣ нашихъ православныхъ обычаевъ, и на ряду съ назначеніемъ на другія мѣста миссіонеровъ изъ коренной Россіи, естественно порождаютъ своего рода новую „унію“, быть можетъ и несущественной важности,

но все-таки для успѣшности дѣла не безразличную,—о чемъ мы говорили уже въ началѣ статьи.

Желательны, такимъ образомъ, миссіонеры прошедшіе полную дисциплинарно-церковную школу, и наша миссія имѣетъ возможность воспитать таковыхъ людей здѣсь въ Америкѣ. У насъ есть миссіонерская школа въ Миннеаполисѣ, въ задачи которой входитъ именно подготовленіе православныхъ работниковъ для проповѣди въ той средѣ, откуда они сами вышли. Благодаря такому значенію своему, эта школа должна быть жемчужиной, которую беречь и охранять надо пуще глаза. Выборъ дѣтей туда долженъ быть самый тщательный, соотвѣтственно тѣмъ упованіямъ, какія отъ школы ожидаются; и педагогически-воспитательная сторона поэтому же должна быть поставлена здѣсь со всею рачительностью, и д. б. чужда всякой случайности, неопредѣленности и непостоянства въ подборѣ лицъ вѣдающихъ сіе дѣло; чтобы плодъ насажденія былъ доброкачественнымъ, чтобы стволъ былъ прямымъ и здоровымъ, надо сѣмя взлелѣвать по настоящему, надо молодой стебель уберечь отъ ударовъ, отъ смятеній и т. д., не дѣлая его въ тоже время и оранжерейнымъ растеніемъ...

Конечно, подготовка такихъ миссіонеровъ возьметъ много времени,—но вѣдь и будущее миссіи нашей мы исчисляемъ, надѣюсь, не однимъ десяткомъ лѣтъ.

Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и школа эта выпуститъ маленькую дружину православныхъ миссіонеровъ, вооруженныхъ надлежащими свѣдѣніями и пригодныхъ къ дѣлу, для котораго они готовились. Куда же и на что обратить миссія эти юныя силы и чѣмъ поддержитъ ихъ? Естественно пожеланіе, чтобы ни одинъ изъ такихъ питомцевъ нашей школы не остался безъ примѣненія въ общей миссіонерской работѣ, чтобы всѣ его знанія, почерпну-

тая отъ православныхъ воспитателей, нашли надлежащее приложеніе и принесли въ свою очередь плодъ. Если не приведетъ имъ Богъ быть всемъ священниками, то надо, чтобы они были примѣрными причетниками, учителями, катехизаторами при часовняхъ, во всехъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ постоянного священника, а возможны лишь рѣдкіе наѣзды его... Задачи ихъ тогда подскажутся самымъ положеніемъ дѣла. Но и тогда, какъ теперь, вопросъ о матеріальной поддержкѣ ихъ останется затруднительнымъ для рѣшенія. Вотъ почему, надо съ первыхъ же дней пребыванія ребенка въ школѣ, поставить воспитаніе его такимъ образомъ, чтобы онъ прежде всего не отрывался бытомъ своимъ и сознаніемъ отъ родной обстановки, а былъ готовъ, и по выходѣ изъ училища, безъ ропота и нареканій встрѣтить житейскія невзгоды, чтобы онъ могъ найти въ собственныхъ знаніяхъ какое либо подспорье для самостоятельной жизни и заработка, который бы при нѣкоторой субсидіи отъ миссіи, давалъ бы ему возможность, не кривя душою и совѣстью, служить святому дѣлу, миссіонерскому дѣлу. Для этого надо вселить въ него любовь и участіе къ его бѣднымъ же родичамъ, русскимъ австрійцамъ, познакомить его по первоисточникамъ съ исторіей и судьбами его народа, его церкви, его языка (не утверждаю, но кажется, въ программѣ школы допущень такой пробѣлъ), его обряда и проч., а съ другой стороны надо ввести въ курсъ школьный еще и прикладныя знанія: обучать напр., типографскому дѣлу, иконописному, свѣчному, столярному, слесарному, чертежному, садоводству, огородничеству и пр.—смотря по удобствамъ какъ самой мѣстности, гдѣ находится школа, такъ и по потребностямъ жизни... Съ такимъ подспорьемъ въ рукахъ, человекъ всегда найдетъ занятія, да и другимъ своимъ собратьямъ преподастъ добрый при-

мѣрь и знанія...

Я слышалъ мнѣнія нѣкоторыхъ, что—де слѣдуетъ, въ видахъ усовершенствованія знаній, отправлять способнѣйшихъ изъ питомцевъ Миннеаполиской школы въ высшія духовныя учебныя заведенія Россіи. Едва-ли это нужно: это естественно и цѣлесообразно въ такихъ случаяхъ, когда имѣется въ виду возвращеніе ихъ въ среду своего народа, государства, на какой либо опредѣленный служебный постъ, и т. д. Практикуется эта мѣра напр., въ отношеніи къ маленькимъ славянскимъ державамъ и къ Галиційской Руси; но здѣсь положеніе иное. Прежде всего, такая отправка, по дальности разстоянія и невозможности частыхъ свиданій, положить слишкомъ осязательную преграду между такимъ счастливецомъ и его родными; по окончаніи же курса въ Россіи, его врядъ ли потянетъ сюда: здѣсь ждуть его неприглядныя условія жизни, прискорбное положеніе родичей и пр. Съ высшимъ же образовательнымъ цензомъ, онъ всегда найдетъ безпечное мѣстечко и въ Россіи, и вкусивъ сладкаго, не пожелаетъ горькаго. И тутъ, слѣдовательно, возможно было бы ждать для миссіи „бѣды отъ сродникъ“...

Въ наши же дни, удобнѣе всего восполнять и увеличивать ряды американскихъ миссіонеровъ—это выписывать ихъ изъ Россіи, хотя это и обходится дорого. Поэтому и тутъ надо обставить дѣло возможной экономіей. Лучшее средство для сего—отсутствіе частыхъ перемѣнъ въ служебномъ составѣ Епархіи. А это послѣднее въ свою очередь можетъ быть достигнуто въ томъ случаѣ, если миссіонеры 1) при просьбахъ о назначеніи сюда будутъ руководиться искреннимъ влеченіемъ послужить дѣлу миссіи, а не какими либо случайными или неопредѣленными побужденіями и 2) если, затѣмъ, прибывъ сюда и начавъ успѣшно здѣсь дѣло, не стануть топиться съ возвращеніемъ на родину, а

согласятся остаться здѣсь и далѣе обязательнаго (если указанъ таковой) срока службы.) Въ этихъ видахъ, по нашему мнѣнію, 1) желательно было бы имѣть въ Россіи своего рода испытательную инстанцію, дабы подборъ здѣшнихъ миссіонеровъ былъ не случайный (для такихъ испытаній могли бы быть выработаны и спеціальныя требованія—пункты), а 2) затѣмъ, условія службы здѣсь миссіонера должны быть надлежаще опредѣлены и представлять въ себѣ что либо отрадное въ противовѣсъ—тоскѣ по родинѣ, отчужденности отъ родныхъ, и тѣмъ, вообще немалымъ, ограниченіямъ, какими обставлена во всѣхъ отправленіяхъ дѣятельность мѣстнаго, закинутого въ чуждую страну, миссіонера; мы разумѣемъ житейскую прозу, весьма существенную однако для человѣка семейнаго: права пенсіи. Намъ пришлось не разъ слышать про пенсіонныя права, какими-де увѣнчивается наша служба въ Алеутской Епархіи—за сроки въ 10 и въ 18 лѣтъ; но никакихъ статутовъ, опредѣляющихъ такія права, намъ встрѣчать не приходилось. Какъ бы то ни было, приравнивать здѣшнюю священническую службу къ отечественной нельзя, и потому, весьма для дѣла полезно было бы успокоить миссіонерскій персоналъ какимъ либо опредѣленнымъ указаніемъ по этому вопросу.

Какъ много успѣло бы затѣмъ наше дѣло, еслибы къ наличному составу прибавлено была еще нѣсколько такихъ миссіонеровъ—священнослужителей, которые бы, не будучи связаны домомъ, семьей и пр., могли бы постоянно разъѣзжать по разнымъ селеніямъ, гдѣ только находятся православныя братства и православные люди! Нужда въ такихъ миссіонерахъ очень ошутительна и всегда, но въ великомъ Посту и на Свѣтлой Седмицѣ она сказывается особенно сильно. Наличнымъ священникамъ приходится не по разу

оставлять свои церкви и ѣздить по окрестностямъ, иногда на очень далекое разстояніе; а если принять во вниманіе, что миссіонерскія поѣздки только по воскресеньямъ могутъ достигать сполна желательной цѣли, то легко представить, сколько неудобствъ вносится такими перерывами въ строеніе своего приходскаго дѣла. Въ этомъ отношеніи нѣсколько священноіеромонаховъ (образовательный цензъ ихъ—дѣло второстепенное) оказались бы для Епархіи приобрѣтеніемъ очень цѣннымъ и благодарнымъ тѣмъ болѣе, что и содержаніе ихъ обходится менѣе дорого. Еслибы съ этимъ затрудненіемъ, недостаткомъ работниковъ,—удалось благополучно справиться,—то много шансовъ прибавилось бы къ качественному и количественному усовершенію миссіи!..

Теперь же намъ приходится считаться

Извѣстія и замѣтки.

Грѣхи римской церкви противъ девятой заповѣди.

Въ ряду нѣкоторыхъ другихъ американскихъ газетъ, римско-католическія съ особенною охотою по временамъ даютъ на своихъ страницахъ мѣсто разнаго рода сообщеніямъ, неблагоприятнымъ для Русской Православной церкви и нашего отечества. Нужды нѣтъ, что такія сообщенія—завѣдомо-злонамеренный вымыселъ какого либо «доброжелателя» Россіи, или результаты обычной іезуитской тактики *ad majorem gloriam*... *Romæ*. пользоваться всѣми средствами, даже еслибы послѣднія были очевиднѣйшей шуллернической передержкой!.. Обычнымъ конькомъ въ такихъ случаяхъ является для этихъ, прожженныхъ въ совѣсти своей, сочинителей та «варварская нетерпимость», какую якобы издавна запечатлѣно отношеніе русской церкви къ исповѣданіямъ инославнымъ подвластныхъ Россіи племенъ,—причемъ неизмѣнно, конечно, фигурируетъ козацкая нагайка, пытки, внѣтъ, польскіе мученики и пр. Въ такомъ родѣ были напр. сдѣланы замѣтки газетой «Catholic Standard and Times» по поводу статей г. Куплетскаго, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи въ англійскомъ текстѣ. Но особенно грѣшенъ своимъ клеветническимъ языкомъ, своими голословиѣйшими нападкамі на нашу отечествен-

со скудостью средствъ на каждомъ шагѣ, и эту скудость средствъ надо имѣть въ виду и на Съѣздѣ, при построеніи „плана“ нашей миссіи,—дабы не расплываться въ неудобоосуществимыхъ проэктахъ, не говорить общихъ фразъ, не заноситься въ предѣлы слишкомъ отдаленнаго будущаго,—дабы не было больно и ушибиться потомъ, если невозможностью парализуются наши упованія. Мы вѣримъ, что Съѣздъ исполнѣ одушевленно, усердно и дружно отнесется къ дарованной ему Архипастыремъ возможности опредѣлить запросы нашей миссіи здѣсь, на востокѣ, и въ предѣлахъ возможнаго, обмѣномъ мыслей, опытныхъ наблюденій и предложеній, по содѣйствуетъ преуспѣванію нашего святого дѣла.

Свящ. А. Х.

NEWS AND NOTES.

The Roman Church's sin against the Ninth Commandment.

The American Roman Catholic papers vie with their secular contemporaries in the zeal with which they periodically and with particular zest bring out all sorts of „communications” injurious to Russia and her Church. No matter that these communications are notoriously wilful and malicious fabrications of this or that „well-wisher” of Russia, or a trick of the habitual Jesuitical tactics—to use any and every means *ad majorem gloriam*... *Romæ* („for the greater glory... of Rome”) even though it were the most patent card-sharper's trick. A favorite stalking horse of such conscience-hardened fabricators is the alleged „barbarous intolerance which is averred to have long been a characteristic feature of the Russian Church's attitude towards the religions of alien peoples subject to Russia,—with the accompaniment *obligato*, o Cosack whips, of the long deceased *knout*, of tortures, Polish martyrs, etc. etc. Such was the drift, for instance, of certain remarks published by the “Catholic Standard and Times” on occasion of Mr. Kupletsky's article, an English translation of which appeared in our paper. But the most outrageously insulting of all is the Jesuit organ, „The Monitor,” by its vilely slanderous tone its most unmotivated attackh against our national church.

A perfectly suitable heading to each such commun-

ную церковь, иезуитскій органъ «The Monitor».

Въ заголовкѣ каждаго такого сообщенія можно было бы съ полнымъ правомъ помѣщать русскую посылку: «не любо не слушай, а гдѣ не жѣшай», и ужь конечно, у насъ не нашлось бы охоты отвѣчать по одиночкѣ на всякое чиханье... Пусть Правосудный Богъ обратитъ ядъ клеветы на клеветниковъ!

Въ цѣляхъ, однако, послужить истинѣ, мы намѣрены въ этотъ разъ дать читателямъ достовѣрнѣйшія подтвержденія, какъ изъ прошлаго времени, какъ и изъ настоящаго, что 1) удѣлъ не русской церкви, а римской—величайшая нетерпимость и фанатизмъ въ области религіи, что инквизиціонныя традиціи живы въ римской церкви и понынѣ и находятъ выраженіе даже въ наши времена и не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ—проявились въ гнуснѣйшихъ злодѣйствахъ польскаго ксендза Бѣлякевича; 2) римская школа во всѣхъ своихъ, и въ польскомъ, подраздѣленіяхъ не стѣсняется прибѣгать къ кощунству, къ «кражѣ со взломомъ» въ самыхъ близкихъ сердцу христіанна областяхъ и къ сознательнѣйшему извращенію историческихъ фактовъ...

Мы уже сообщали о продѣлкахъ ксендза Бѣлякевича. Вотъ дополнительныя о немъ свѣдѣнія.

23 февраля петербургскій окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей ксендзъ Бѣлякевичъ признанъ виновнымъ:

1) Въ томъ, что 15 августа 1898 года, въ городѣ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы Еву Матвѣеву Бернатовичъ, заключивъ ее, противъ ея воли, въ продолженіе сутокъ, подъ заперомъ, въ помѣщающуюся при костелѣ св. Троицы тѣсную, холодную каморку, въ которой находился столъ изъ-подъ катаfalка; при чемъ при лишеніи свободы Бернатовичъ онъ, ксендзъ Бѣлякевичъ, нанесъ ей орудіемъ, въ видѣ толстой веревки или палки, многочисленныя и жестокія удары, оставившія на тѣлѣ ея полосы, пятна съ кровоподтеками и ссадины, чѣмъ, въ виду продолжительности этихъ мученій, причинилъ лишенной свободы Бернатовичъ тяжелья физическія и нравственныя страданія.

2) Въ томъ, что 16 августа 1898 г., въ городѣ Ковнѣ, самовольно и насильственно лишилъ свободы Юзефу Жуковскую, продержавъ ее, противъ ея воли, нѣсколько часовъ въ заключеніи послѣдовательно: въ темномъ подвалѣ при костелѣ св. Троицы, затѣмъ въ склепѣ подъ костеломъ, гдѣ хранились открытыя гробы съ человѣческими скелетами и не истлѣвшими трупами, и, наконецъ, въ темной каморкѣ со столомъ изъ-подъ катаfalка и положеннымъ на него для внушенія суевѣрнаго страха изваяніемъ головы діавола, при чемъ при лишеніи свободы Юзефы Жуковской онъ, ксендзъ Бѣлякевичъ, орудіемъ въ видѣ толстой веревки или палки, нанесъ Жуковской на улицѣ, а затѣмъ и въ склепѣ, много жестокихъ уда-

ication would be the Russian saying: „Don't listen of you don't like to, but don't hinder me from fibbing”—and we certainly do not feel inclined to reply to every individual fib... Leave it to God the All-righteous to turn the slanderous poison against the slanderers!

Still, in the service of truth, we mean, for once, to lay before our readers some facts which irrefragably prove: 1) that the greatest intolerance and fanaticism in religious matters are a characteristic not of the Russian, but of the Roman Church; the inquisitional traditions are alive to this day in the Roman Church, and actively assert themselves in our own time, as happened as lately as a few months ago in the case of the atrocious outrages perpetrated by the priest Beliakovitch; 2) that the Roman school, in all its branches and in the Polish among others, does not scruple to have recourse to blasphemy and scilicet, to break violently into what is most sacred to the Christian heart, and to deliberate falsifications of historical facts.

We informed our readers in an earlier issue of Beliakovitch's performances. We now give the sequel and conclusion of the incident.

On the 23-d of February (7-th of March) of the current year 1899, the District Court of St. Petersburg, on examining into the case of the Catholic priest Bielakovitch found that the verdict of the jury had declared him guilty:

1.— Of having, on the 15-th (27-th) of August 1898, in the city of Kovno, wilfully and by violent means, deprived of her liberty one Eva Matveyeva Bernatovitch, and held her, against her will, confined under lock and bolt for the space of twenty four hours in a small, cold chamber belonging to the Church of the Holy Trinity, in which was kept a table used as the stage of a funeral catafalque, and of having, while so keeping her, inflicted upon her, with an instrument of the form of a thick stick or rope, numerous and cruel blows, which left on her body bloody wales, bruises and abrasions of the skin by which continuous ill-usage he caused the woman Bernatovitch, deprived of her freedom, great physical and moral suffering;

2.— Of having, on the 16-th (28-th) of August 1898, wilfully and by violent means, deprived of her liberty one Josepha Jukofsky, and having kept her, for several hours, against her will, confined first in a dark cellar belonging to the church of the Holy Trinity, then in a vault situated under the church, wherein were open coffins containing human skeletons and partially decayed bodies, and lastly in a dark chamber containing a table used as the stage of a catafalque, upon which table was placed a sculptured devil's head with a view to arouse superstitions fears,—and of having, while thus keeping the woman Josepha Jukofsky, deprived of her freedom, inflicted upon her with an instrument of the form of a thick stick or rope, in the street and in the vault, many cruel blows, which left on her body bloody wales, bruises, abrasions of the skin, by which continuous ill-usage

ровъ, оставившихъ на тѣлѣ ея кровоподтечныя полосы, пятна и ссадины, чѣмъ, въ виду продолжительности этихъ мученій и многочисленныхъ поврежденій, причинилъ лишенной свободы Жуковской тяжкія физическія и нравственныя страданія.

3) Въ томъ, что въ среднихъ числахъ іюля 1898 г., въ гор. Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы въ продолженіе болѣе недѣли времени Констанцію Михайлову Симоновичъ, нанесъ ей при этомъ многочисленные удары орудіемъ въ видѣ ремня или веревки и заключивъ ее, вопреко ея воли, сначала въ темный склепъ подъ костеломъ св. Троицы, хранящій открытыя гробы съ человѣческими скелетами и нестлѣвшими трупами, а затѣмъ въ темной камерѣ, въ которой находился столъ изъ-подъ катаfalка, при чемъ втеченіе этихъ полутора сутокъ ея заключенія далъ ей въ пищу лишь кружку воды и кусокъ хлѣба, который она въ виду сильнаго нравственнаго потрясенія есть не могла, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Симоновичъ продолжительныя и тяжкія истязанія и нравственныя мученія.

4) Въ томъ, что въ мартѣ 1898 года въ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы Станислава Фаддѣева Бурнейка съ 6 часовъ утра до 5 часовъ вечера того же дня, заключивъ его, противъ его воли, въ запертый темный, помѣщающійся при костелѣ св. Троицы, подвалъ, при недостаточныхъ во время такового задержанія пищѣ и питьѣ и причинилъ таковыми жестокими дѣйствіями лишенному свободы Бурнейку сильныя физическія и нравственныя страданія.

5) Въ томъ, что въ іюнѣ 1898 г. въ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы Прасковью Николаеву Романовскую, заключивъ ее, противъ ея воли, въ помѣщающемся во дворѣ при костелѣ св. Троицы запертомъ сараѣ на нѣсколько часовъ, при чемъ грозилъ ей «разложить ее и наказать» и продержатъ всю ночь, если она не войдетъ въ сарай, каковыми жестокими дѣйствіями въ связи съ недостаточностью одежды у заключенной Романовской въ сараѣ и холодною погодою, причинилъ Романовской продолжительныя, тяжкія физическія и нравственныя мученія.

6) Въ томъ, что въ іюнѣ 1898 г. въ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы Антона Андрева Айкевича, заключивъ его, вопреки его воли, на нѣсколько часовъ сначала въ запертомъ сараѣ для дровъ, при чемъ Айкевичъ плакалъ, говоря, что теперь «отъ страха повѣстется», лишь послѣ чего, по приказанію Бѣлякевича, онъ былъ переведенъ и заключенъ въ находящійся при костелѣ погребъ съ пустыми гробами, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Айкевичу продолжительныя и тяжкія физическія и нравственныя мученія.

and numerous injuries, he caused the said Josepha Jukofsky great physical and moral suffering;

3.— Of having, about the middle of July 1898 in the city of Kovno, wilfully and by violent means, deprived of her liberty, or the space of over a week, one Constantia Mikhailova Simonovitch, inflicting upon her at the same time numerous blows with an instrument of the form of a strap or rope, and locking her up against her will, at first in the dark vault situated under the church, wherein were open coffins containing human skeletons and partially decayed bodies, then in a dark chamber containing a table used as the stage of a catafalque, and of having in thirty six hours of captivity, given her no food except a mug of water and a piece of bread, which she was unable to eat on account of the mental shock sustained, by which cruel actions the said Beliakevitch caused the said Simonovitch continuous and acute physical torture and mental suffering;

4.— Of having, in March 1898, in the city of Kovno, wilfully and by violent means deprived of his liberty, from 6 a. m. to 5 p. m. of the same day, one Stanislas Fadeyef Burneiko, shutting him up, against his will, in a close dark cellar belonging to the church of the Holy Trinity, on insufficient food and drink during the time of confinement, and of having by said cruel actions caused the said Burneiko, deprived of his liberty, great physical and mental suffering;

5.— Of having, in June 1898. in the city of Kovno, wilfully and by violent means, deprived of her liberty one Praskovia Nicolaeva Romanofska, shutting her up against her will, for several hours, in a shed situated in the yard of the church of the Holy Trinity, threatening to „lay her out and punish her”, and to keep her out all night if she she did not enter the the shed, by which cruel acts. combined with the said imprisoned Romanofsky's insufficient clothing and the cold weather, he caused her acute physical and mental suffering;

6.— Of having, wilfully and by violent means, in June 1898, in the city of Kovno, deprived of his liberty one Anton Andreyef Aikevitch, shutting him up, against his will, for several hours, at first in a close wood-shed, on which Aikevitch wept, saying he „would now hang himself with fright,” when—and only then—he was by Beliakevitch's order transferred to and locked up in a cellar belonging to the church and containing empty coffins, by which cruel acts the said Beliakevitch caused the said Aikevitch continuous and acute physical and mental suffering;

7,— Of having on the 6-th (18-th) of August 1898, in the city of Kovno, wilfully and by violent means, deprived of his liberty. from 1 p. m. on the 6-th to 7-th of August 1898, one Anton Mikhailof Matskaitis, locking him up, against his will, in a small chamber belonging to the church of the Holy Trinity, containing a table used as the stage of a catafalque and giving him during the time of his captivity no food but a piece of

7) Въ томъ, что 6 августа 1898 г. въ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы на время отъ 1 часа дня 6 августа до 6 часовъ вечера 7 августа 1898 г. Антона Михайлова Мацайтиса, заключивъ его, противъ его воли, въ помѣщающуюся при костелѣ св. Троицы запертую тѣсную каморку, въ которой находился столъ изъ подъ катаfalка, давъ ему во время заключенія кусокъ черстватаго хлѣба и воды, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Мацайтису продолжительныя и тяжкія физическія мученія.

8) Въ томъ, что въ началѣ августа 1898 г. въ Ковнѣ самовольно и насильственно лишилъ свободы въ продолженіе семи дней Изабеллу Іосифовну Ненартовичъ, заключивъ ее, вопреки ея воли, въ темный склепъ подъ костеломъ св. Троицы, хранящимъ открытыя гробы съ человѣческими скелетами и неистлѣвшими, трупами, а затѣмъ, заперевъ въ темную каморку, въ которой находился столъ изъ подъ катаfalка, при чемъ во время заключенія давалъ ей только воду и хлѣбъ, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Ненартовичъ продолжительныя и тяжкія физическія и нравственныя мученія.

Принимая во вниманіе проявленное ксендзомъ Бѣлякевичемъ въ его дѣйствіяхъ легкомысліе и невѣжество, а также учиненное имъ, хотя и не полное, сознание своей вины, окружной судъ постановилъ: подсудимаго ксендза Бѣлякевича, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе 8 лѣтъ...

Справедливо замѣтилъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ, что поступки этого ксендза явились, какъ практическіе послѣдовательные выводы изъ всей вѣковой системы церковной дисциплины въ католической церкви и догматическаго ученія ея о средствахъ спасенія человѣка, а также надо полагать и изъ прямыхъ правилъ папскаго римско-католическаго богословія. Устыдитесь же послѣ этого, питомцы Лойолы и римской школы, обвинять Россію и Русскую церковь въ нетерпимости! Да развѣ чешель бы гдѣ бы то ни было столько снисходительнаго отношенія къ своимъ изувѣрствамъ этотъ несчастный ксендзъ, сколько оказалось аъ процессѣ суда надъ нимъ въ Россіи и въ самой незначительной карѣ, какой наказаны его злодѣянія?!

II

Фальсификація исторіи.

Образчикъ замѣчательнаго искаженія исторической истины, возстановленной извѣстнымъ историкомъ, покойнымъ лекторомъ при Вѣнскомъ университетѣ Максимомъ

stale bread and some water, by which cruel acts the said Beliakevitch caused the said Matskaitis continuous and acute physical and mental suffering;

8.— Of having, in the beginning of August 1898. in the city of Kovno, wilfully and by violent means, deprived of her liberty for the space of seven days, one Jeabella Josifovna Nenartovitch, locking her up, against her will, in the dark vault situated under the church of the Holy Trinity, wherein were open coffins containing human skeletons and partially decayed bodies, then in a small dark chamber, containing a table used as the stage of a catafalque, giving her during the time of her captivity nothing but bread and water, by which cruel acts the said Beliakevitch caused the said Nenartovitch continuous and acute physical and mental suffering.

Taking into consideration the thoughtlessness and ignorance manifested by the priest Beliakevitch in his actions, and also his confession of guilt, although incomplete, the Court's sentence was: that the accused priest Beliakevitch, 26 year of age, forfeit all the rights and privileges pertaining to him personally or in virtue of his rank and condition, and be banished to the Government of Irkutsk in Siberia, and forbidden to absent himself from such place as shall be appointed for his residence for the space of two years, and to visit other governments or territories of Siberia for a further space of eight years.

One of our missionaries justly remarked that this priest's misdeeds are nothing but the logical outcome of the Roman Church's discipline through all these ages, and of her dogmatical teaching on the ways and means to salvation, and also, and probably of the rules laid down by the Roman Catholic pastoral theology. For shame, then, ye disciples of Leyola and of the Roman school, do not, in the face of such facts, accuse Russia and the Russian Church of intolerance! Where in the world would this wretched priest have met with so lenient a view of his atrocities as that which resulted in the strikingly mild sentence passed upon his unspeakable villainage by a Russian court?

II

A NOTABLE FALSIFICATION OF HISTORY.

A remarkable case of falsification of historical facts is brought to light by the „*Algemeine Zeitung*” of Munich, together with the restoration of the facts by Maxim Gumplovitch, lector at the Vienna University. We give the article published by this paper in its entirety. It deals with the past of Poland, whose historians, from the very beginning, *i. e.* from the Middle Ages down to nearly modern times, have been exclusively bishops of the Roman Church. „These annalists and historians,” remarks the Munich paper, „wrote the history of Poland in such a way as leads one to think that they never even heard of such a thing as the Ninth Commandment.

The series of Polish historians is opened by an anonymous writer, who, down to very lately, went un-

Гумпловичемъ, приведенъ въ мюнхенской газетѣ «Allgemeine Zeitung». Статья этой газеты ниже приводится цѣликомъ. Дѣло касается историческаго проилаго Польши, бытописателя которой отъ самаго начала, т.-е. со среднихъ вѣковъ, и почти до послѣдняго времени были исключительно епископами римской церкви. Эти-то лѣтописцы и историки—говорить мюнхенская газета—писали исторію Польши такъ, какъ будто никогда не слышали о существованіи девятой заповѣди Господней.

—+o+—

Рядъ польскихъ историковъ открываетъ анонимный авторъ, котораго до послѣдняго времени называли Мартиномъ Галломъ. Лѣтопись Галла прославляетъ дѣянія великаго князя польскаго Болеслава III, прозваннаго Кривоустымъ (1102—1138). Послѣднему, послѣ смерти отца, его Владислава I Германа (1080—1102), вздумалось бороться противъ старшаго брата, Збигнѣва, къ которому по завѣщанію великаго князя польскаго, перешли права на великокняжескій престолъ.

Событіе это совпало съ тѣмъ временемъ, когда папскій Римъ устремилъ взоры на обширныя богатства польскихъ церквей; польское духовенство скупилось, и на долю Рима выпадали скудныя подачки. Ряды туземнаго духовенства пополнились въ то время гизами, принадлежавшими къ средѣ «важныхъ пановъ», и дворянство по братски дѣлилось къ клерикалами богатствами «дорогой ойчизны». Риму, какъ сказано, при этомъ доставались одни крохи. И духовенство, и паны не только скупились по отношенію къ Риму, но не хотѣли знаться съ чуждымъ имъ духовенствомъ, насильно навязаннымъ пришельцами «волошской» (итальянской) страны. Римъ уже давно поджидалъ подходящаго момента для завершения побѣды надъ туземною, «славянскою» церковью и для упроченія авторитета Папы въ Польшѣ. Такимъ благоприятнымъ моментомъ оказалось начало XII столѣтія, когда разгорѣлась упомянутая выше борьба изъ-за власти между Болеславомъ III и его братомъ Збигнѣвомъ.

Пословица вродѣ «*Duobus litigantibus tertius gaudet*» (при тяжбѣ двоихъ третій радуется)—Римъ никогда не забывалъ: младшій братъ, поправшій права старшаго и замыслиющій захватить его владѣнія, долженъ взять верхъ по милости Рима,—конечно, лишь подъ условіемъ признанія неограниченнаго авторитета Римскаго Папы въ Польшѣ. Если онъ согласится содѣйствовать Риму сокрушить упорство польскаго духовенства и предать въ руки властолюбиваго Рима славянскую церковь, то Римъ сумѣетъ превратить права старшаго брата въ безправіе. Сдѣлка на этихъ условіяхъ состоялась и римскіе прокси тотчасъ же начались.

Вскорѣ послѣ состоявшагося соглашенія въ Римѣ сдѣлали открытіе: Збигнѣвъ, котораго польское духовенство признало законнымъ наследникомъ великокняжескаго престола, съ канонической точки зрѣнія былъ яко бы

der the name of Martin Gallus. His chronicle celebrates the deeds of the Polish prince Boleslas III, surnamed „Crooked-Mouth” (1102—1138). After the death of his Father Vladislas I, (1080—1102), Boleslas entered into a contest with his elder brother, Zbigniev, to whom in virtue of their father’s will, the Polish throne should have belonged by right.

This event coincided with the time when papal Rome cast a coveting eye on the vast wealth of the Polish churches. The Polish clergy was thrifty and only scant crumbs fell to the share of Rome. The ranks of the native clergy were recruited at the time from those of the so-called „magnates” or „great Fans,” and the nobility went shares fraternally with them in the wealth of their beloved country. So that Rome, as we just remarked, came in for mere crumbs. Both clergy and nobles were not only niggardly in their treatment of Rome, but would have nothing to do with the foreign clergy which the Italian intruders forced upon them. Rome had long been watching for a favorable moment to achieve a final victory over the native „Slavic” church, and to establish firmly the papal authority in Poland. Such a favorable moment came in the beginning of the XII-th century, when the above-mentioned contest for the throne was started between Boleslas III and his brother Zbigniev.

Rome never forgot the principle embodied in the saying “*Duobus litigantibus tertius gaudet*” (“Where two quarrel, the third rejoices”): the younger brother, who set at naught the elder’s rights and meditated to gain possession of his domains, should, it was decided, gain his object by Rome’s assistance, of course under the one condition of recognizing the unlimited authority of the Pope of Rome in Poland. If he consented to co-operate with Rome in crushing the stubbornness of the Polish clergy, and in delivering the Slavic church into the grasping hand of Rome, the latter, in her turn, would know how to change the elder brother’s right into wrong. An agreement on these conditions was arrived at, and Rome at once began her active scheming.

Soon after this agreement, a discovery was made in Rome: Zbigniev, who had been recognized by the Polish clergy as the lawful heir to the throne, was suddenly found to be, from a canonical point of view, an illegitimate child, because the marriage of Vladislas Hermann with his first wife, Zbigniev’s mother, had not been celebrated before an altar. For this reason Rome declared Zbigniev an usurper. Boleslas’ hands were now free to draw his keen sword against his „base-born” brother. Rome gave her blessing to the „righteous” cause, and—as happens only too often,—iniquity triumphed: not only was Zbigniev robbed of throne and lands (a goodly portion of the latter being made over to Rome), but Boleslas III, according to a pious custom of the times, deprived his vanquished brother first of his eyesight, then of life.

The fall of Zbigniev drew after it the subjugation

незаконнымъ сыномъ, потому что бракъ его матери, первой жены Владислава Германа, былъ заключенъ не предъ алтаремъ. Въ силу этого Римъ объявилъ Збигнѣва узурпаторомъ. У Болеслава были развязаны руки и онъ могъ извлечь свой острый мечъ противъ «незаконно-рожденнаго» брата. Римъ далъ свое благословеніе на праведный бой и, какъ это нерѣдко бываетъ, злое дѣло восторжествовало: не только были отняты у Збигнѣва престолъ и владѣнія (изъ послѣднихъ на долю Рима выпала огромная доля), но согласно «благочестивому обычаю» того времени побѣжденнаго, старшаго брата Болеславъ III лишилъ сперва зрѣнія, а затѣмъ и жизни.

Съ паденіемъ Збигнѣва было побѣждено и непокорное польское духовенство. Римъ ликовалъ. Между Болеславомъ III и Папою установилась большая дружба. Въ наказаніе за братоубійство Римъ наложилъ на него, въ видѣ церковнаго покаянія, обязанность основать множество монастырей и снабдить ихъ угодьями и крестьянами. Болеславъ III исполнилъ это безъ колебанія: онъ лично отъ этого не потерпѣлъ никакого убытка. Для довершенія великаго и удачно выполненнаго римско-католическимъ княземъ, совместно съ римскою куріею, «дѣла» и для освѣщенія послѣдняго въ глазахъ потомства въ надлежащемъ свѣтѣ, т. е. въ видѣ богоугоднаго подвига, требовалось только еще одно: создать историческій трудъ, который покажетъ бы всѣ описанные факты въ подходящемъ освѣщеніи, и окружить въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній благочестиваго героя, побѣдоносно обнажившаго мечъ за «истинную» римскую церковь, ореоломъ славы. И объ этомъ своевременно позаботился Римъ, доведши свой замыселъ до конца.

Историческая лѣтопись Польши начинается съ наступленіемъ XII вѣка, т. е. именно со времени упомянутой выше братоубійственной войны между Болеславомъ III и Збигнѣвомъ, и совпадаетъ такимъ образомъ съ днями побѣды перваго надъ послѣднимъ. Авторъ этого лѣтописнаго труда себя не называетъ. Онъ происходитъ, по преданію, изъ рода «Галловъ»; подробности его жизни и дѣятельности не удалось отыскать. Такъ какъ онъ былъ не только первымъ, но и единственнымъ въ свое время лѣтописцемъ Польши, то его повѣствованія не могли быть проверены по другимъ источникамъ. Въ то же время, въ виду неизвѣстности самой личности бытописателя, трудно было выяснитъ любопытный вопросъ: кому Галль льстилъ и кому мстилъ въ своемъ историческомъ трудѣ. Польскимъ историкамъ позднѣйшаго времени пришлось поэтому волею-неволею дословно повторять сказанія анонимнаго автора, котораго называли Мартиномъ Галломъ.

И вотъ, благодаря какому-то Галлу, въ повѣствованіяхъ польскихъ историковъ, въ теченіе многихъ вѣковъ и до нашихъ дней воздавалась преувеличенная похвала

of the rebellious clergy of Poland. Rome exulted. A close friendship sprang up between the Pope and Boleslas III. The penance imposed upon him by Rome in expiation of the fratricide committed consisted in building a multitude of monasteries and endowing them with lands and serfs. Boleslas performed it cheerfully: he did not suffer any loss from it. Only one more thing was needed to complete the great „work” so successfully carried out by the Roman Catholic prince with the co-operation of the Roman Curia, and to place the same in the proper light—that of a God-pleasing achievement,—in the eyes of posterity: that was the creation of an historical piece of literature, which should shed on the facts that desirable light, and surround with an aureole of glory in the eyes of coming generations the pious hero who had drawn his sword in defence of the „true” Roman Church. Teis also Rome looked after in good time, and thus brought her schemes to their conclusion.

Poland's historical record begins with the XII-th century, i. e. precisely with the time of this fratricidal war between Zbigniew and Boleslas, coinciding with the latter's victory. The author of this annalistic work does not give his name. Tradition ranks him among the members of the old family of the „Galli,” but it has been impossible to find any particulars about his life and labors. As he was not only the first, but the only annalist of Poland at that time, his narrative cannot be verified from other sources. At the same time, and in view of the obscurity of the annalist's personality, it was found difficult to solve another rather interesting question: whom did he mean to flatter, and whom to spite in his historical work? Therefore the Polish historians of later ages were compelled to repeat word for word the stories told by the anonymous writer who has been called Martin Gallus.

And so it came to pass that, through many centuries and down to our own times, owing to this apocryphal Gallus, the reports of Polish historians lavished excessive praise on the pious hero, Boleslas Crooked-Mouth, the mighty champion in the name of the Lord, and a good Catholic to boot—so good that once, when yielding to a common human weakness, while defending the church's interests and his own, he had first blinded, then put to death his „bastard” brother, he hastened of his own accord to inflict a penance on himself: he donned a hair cloth shirt, and not only performed on foot a pilgrimage to the Holy places in severely cold weather, bare-headed and barefoot, but everywhere left large donations with churches and monasteries. This was taught in all the Polish schools, where it has always been an object of great interest to give to the youth of the country an education that would make them not only good patriots, but also good Catholics.

For over 800 years this highly ornamented fib held triumphant sway in Polish history. When suddenly things happened before which it fell to the ground, and histo-

благочестивому царю Болеславу Кривоустому, сильному поборнику за имя Господне и притомъ доброму католику,— настолько доброму, что когда онъ, однажды, поддавшись общей человѣческой слабости, во время защиты интересовъ церкви и своихъ личныхъ, ослѣпилъ и затѣмъ убилъ незаконнорожденного брата, то самъ успѣшилъ возложить на себя церковное покаяніе. Онъ, надѣвъ власяницу, не только совершилъ паломничество къ Святымъ Мѣстамъ въ стужу и холодъ, босой и съ непокрытою головою, но вездѣ и повсюду дѣлалъ богатые вклады въ костелы и монастыри. Такъ учили во всѣхъ школахъ страны, гдѣ очень заинтересованы въ томъ, чтобы дать молодежи воспитаніе не только патристическое, но и доброе католическое.

Болѣе восьми сотъ лѣтъ торжествовала въ польской исторіи эта прикрашенная ложь, но обстоятельства сложились такъ, что послѣ вѣкового господства въ исторіи, эта ложь нынѣ рухнула, и историческая правда, которая столько же времени силою или хитростью скрывалась, является теперь, освѣщая событія и факты въ истинномъ свѣтѣ. Благодаря этой истинѣ, цвѣтъ и тѣни перемѣщаются; благочестивое братоубійство Болеслава заклеймено позоромъ, а несчастный Збигнѣвъ вырисовывается предъ нами невинно пострадавшимъ и судьбою преслѣдуемымъ княземъ.

Возстановленіе незаслуженно поправнаго имени невиннаго Збигнѣва, спустя восемь столѣтій непрерывныхъ обвиненій со стороны разныхъ бытописателей,— такова цѣль, къ которой стремился историческій трудъ упомянутого въ началѣ молодого, преждевременно умершаго изслѣдователя польской исторіи. Максимъ Гумпловичъ въ краткомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ протоколахъ засѣданій вѣсской академіи наукъ за 1895 годъ, доказалъ по достовернымъ источникамъ, что высказанное вскользь проф. Смолкою предположеніе вполне основательно: таинственный анонимный авторъ Галлъ—бывшій аббатъ бенедиктинскаго монастыря въ Люблинѣ, именемъ Балдуинъ, онъ прибылъ изъ Фландріи въ Польшу, гдѣ сдѣлался придворнымъ капелланомъ Болеслава Кривоустаго, всячески добиваясь благосклонности послѣдняго въ надеждѣ помучить отъ него вакантное епископство, что ему подѣ конецъ и удалось: онъ былъ назначенъ епископомъ въ Крушвицу, въ Великой Польшѣ. Для достиженія намѣченной цѣли, онъ въ 1113 году, т. е. вскорѣ послѣ пораженія и убійства Збигнѣва Болеславомъ, составилъ летопись Польши, изложивъ въ бѣглыхъ чертахъ ея первоначальную исторію и затѣмъ очень подробно описавъ царствованіе Болеслава III. Услужливый капелланъ не упускаетъ даже мелкихъ фактовъ, касающихся рожденія, младенчества, юности и великихъ дѣяній своего героя, прославляя и его предковъ, и оправдывая злодѣянія, совершенныя надъ старшимъ братомъ. Эти оправданія предназначались не только для

rical truth, after having been suppressed by force or cunning, now emerges and shows events and facts in their true, unobscured aspect. Lights and shades are shifted and change places; the pious fratricide, Boleslas, is branded with shame, and hapless Zbigniev stands before us as a much injured prince, persecuted by ill-fortune.

The rehabilitation of Zbigniev's slandered name, after eight centuries of unceasing accusations from various annalists and historians,—such is the task pursued in his historical work by the young student of Polish history whom we mentioned in the beginning of this paper, and whose untimely death is much to be deplored. Maxim Gumplovitch, in a brief essay, published in the Transactions of the Vienna Academy of Sciences for 1895, demonstrated from authentic sources the perfect justice of a conjecture offered some time before by Professor Smolka, incumbent of the chair of history at the Cracow University, as follows: The mysterious anonymous writer known as Gallus was a former abbot of a Benedictine monastery at Lubin, of the name of Baldwin. He came from Flanders to Poland, where he was made court chaplain to Boleslas III, and used every means of ingratiating himself with him, in the hope of receiving from him a vacant bishopric, in which hope he at length succeeded: he was made Bishop of Krushvits in Great Poland. It was with this object in view that he, in 1113, *i. e.* soon after the defeat and murder of Zbigniev by Boleslas, compiled a chronicle of Poland, in which, after presenting a very cursory sketch of the country's earliest history, he gave a detailed narrative of the reign of Boleslas III. The complaisant chaplain does not omit even the pettiest facts concerning the birth, infancy, adolescence and high feats of his hero, celebrating his ancestors also, and vindicating his infamous treatment of his elder brother. Now it is conclusively shown by the late Gumplovitch, from incontrovertible facts, that all this story of Zbigniev's bastard birth and consequent lack of any rights, is, from beginning to end—a fabrication; that it was invented by the Roman Court chaplain Baldwin, alone or with the assistance of his kinsman, Baldwin Bishop of Cracow. The alleged illegality of the first marriage of the Great-Prince Vladislav Hermann (1080—1112), to Zbigniev's mother, has no foundation except in the fact that the ceremony was performed not in a church. But that is an idle objection, for it is perfectly proved that it was not until the year 1197 that a papal legate made it obligatory for marriage ceremonies to be performed in a church; in the XI-th century no one knew of such a law.

Such were the trivial pretences on which the Roman clergy elected to uphold Boleslas with the express object of ruining Zbigniev, who, like his father Vladislav Hermann, stood up, a firm bulwark of the Slavic church in Poland, against Rome's machinations. Thus it turns out that the Abbot Baldwin Gallus, a nephew of the Bishop of Cracow, and entirely devoted to Rome, had a twofold interest in misrepresenting the whole business in a sense

объявляя Болеслава, но и pro domo, потому что, какъ фактически доказалъ покойный Гумпловичъ, вся эта исторія о безправности Збигнѣва, какъ и то, что онъ былъ незаконнорожденнымъ, отъ начала до конца—ложь: она выдумана римскимъ придворнымъ духовникомъ Болеслава Балдуиномъ одною или совмѣстно съ родственникомъ ему Балдуиномъ, епископомъ краковскимъ. Мнимая незаконность перваго брака великаго князя Владислава Германна (1080—1102) съ матерью Збигнѣва была основана на томъ, что онъ былъ совершенъ внѣ церкви; но это—пустой предлогъ, потому что въ Польшѣ, какъ это вполне доказано, обязательность совершенія брака въ церкви введена лишь почти сто лѣтъ спустя—въ 1197 году папскимъ легатомъ; въ XI же столѣтїи оно никѣмъ въ Польшѣ не соблюдалось.

Таковы были ничтожные предлоги, какіе избрало себѣ римское духовенство для поддержанія Болеслава, съ цѣлью погубить Збигнѣва, который, подобно отцу своему Владиславу Германну, являлся твердымъ оплотомъ славянской церкви въ Польшѣ противъ римскихъ проскоковъ. Такимъ образомъ оказывается, что аббатъ Балдуинъ Галль, племянникъ преданнаго Риму краковского епископа Балдуина, былъ вдвойнѣ заинтересованъ въ томъ, чтобы лицепрятно изложить всю эту исторію съ лишеніемъ престола и жизни Збигнѣва, такъ какъ этимъ достигалась двойная цѣль: оправдывались дѣянія римско-папской партїи, а прославленіе Болеслава III доставило ему крушинское епископство. Но такъ какъ хитрый аббатъ сумѣлъ при этомъ скрыть свое настоящее имя и кромѣ его никто веденіемъ лѣтописей въ то время въ Польшѣ не занимался, то этому лукавому историографу, какъ его называетъ Гумпловичъ, удалось ввести въ заблужденіе потомство.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Пожертвованія:

Пожертвовано на Палестинское Общество и св. Аѳонь:

- 1) Въ 1898 году отъ прихожанина Уналашкинской церкви Ив. Кожевникова 20 долл.
- 2) Отъ него же на Аѳонь 10 долл.
- 3) Отъ Квихпахской Крестовоздвиженской церкви на Палестинское Общество 9 д. 60 ц.
- 4) Въ 1899 году: Отъ Кааедральнаго Собора въ Санъ-Франциско на Палестинское Общество 40 долл.
- 5) Отъ Миннеаполиской Покровской ц.

favorable to Boleslas, since, by so doing, he not only justified the actions of the papal Roman party, but also earned a bishopric for himself. But as he had enough cunning to conceal his own name, and no one besides himself yet wrote Polish chronicles at the time, "the wily historiographer," as Gumplovitch calls him, succeeded in utterly misleading posterity.

(To be concluded).

туда же

8 долл.

Отъ прихожанина Уналашкинской церкви Василія Шаяшникова ко Гробу Господню 10 долл.

Отъ Нью-Йоркской русской св. Николаевской церкви на Палестинское Общество 11 д. 69 ц.

Присоединенія.

Съ 1-го Января текущаго года по 1-е Апрѣля по Ситхинской миссіи присоединены къ православной вѣрѣ: Елизавета Утетука изъ католичества—2 г., Комендантъ Ситхинскаго Гарнизона, полковникъ Мисаиль Гудрель изъ Англиканства—50 л.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Осцеольско-Филиппсбургскомъ приходѣ настоятелемъ свящ. К. Поповымъ присоединены къ Православію изъ униі: Іоаннъ Пласконъ 24 л., Стефанъ Василенко 17 л., Іосифъ Сага 29 л., Андрей Гелеманчикъ 27 л., Марія Бирошъ 30 л., Михайлъ Казимиръ 17 л., Анна Слота 40 л., Матвій Смержъ 31 л.—изъ католичества: Сусанна Гаврила 36 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: № 9. Изъ «Душеполезнаго Чтенія». — Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ. (англ. и рус. текстъ). — Индіанское племя «Тлинитъ» Архим. Анатолія. — Нушагакская Миссія, Свящ. В. Модестова. — Запросы нашей Миссии. — Извѣстія и замѣтки: Грѣхъ римской церкви противъ девятой заповѣди (текстъ рус. и англ.). **Оффиціальныи отдѣлъ.**

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.